

Враг будет разбит, победа
будет за нами!

общероссийская политическая газета
издается с 25 сентября 2012 г.

Суть времени

www.eot.su

Подписаться на газету можно в ближайшей местной ячейке Движения «Суть времени»
Задать вопросы и узнать контакт ближайшей местной ячейки Движения
можно по телефону 8-800-100-97-24 (звонок по России бесплатный), podpiska@eot.su

2 августа 2023 г.

№ 545

Продолжаем начатую в № 541 газеты публикацию статей из сборника «Украинство»

12 УКРАИНА В МИРОУСТРОИТЕЛЬ- НЫХ ПЛАНАХ ГЕРМАНИИ

Давняя мечта немецких политиков — иметь Украину в качестве своей колонии, используя ее не только как сырьевой придаток, но и как важнейший форпост на востоке Европы в борьбе против России — очевидным образом передана сегодня совокупному западному миру

Забывать преступления УПА* и реальную историю своей страны, сочинив историю альтернативную, можно, но только на этом пути Польша рискует превратиться из выдуманной фигуры «Христа народов» в его Иуду

Евгений Горжалцан

Исторические претензии Польши на территории Украины

Чтобы понять суть современной политики Польши в отношении Украины, необходимо рассмотреть историю польско-русских и польско-украинских отношений, а также ознакомиться с основными концепциями внешней политики Польши. Эти концепции названы по именам старейших польских королевских династий — Пястов и Ягеллонов.

Территориальные претензии Польши на востоке неразрывно связаны с понятием «восточных кресов» (Kresy Wschodnie). По сути, под «кресами» подразумеваются территории современной Украины, Белоруссии и Литвы, некогда входившие в состав империи Ягеллонов в период ее наибольшего расцвета. Термин «кресы» означает примерно то же, что и «Украина» — окраинные земли, приграничье. Вот только слово «Украина» было придумано для нужд создаваемой ex nihilo украинской идентичности, а слово «кресы» стало важнейшей частью польской политической мифологии, в которой Польша предстает последним оплотом — «антемуралом» — западной цивилизации перед натиском варваров, на земли которых поляки призваны принести свет просвещения.

Понятие «кресы» появилось достаточно поздно. Оно было введено в оборот польским поэтом и географом Винцентом Полем в его поэме «Мохорт», опубликованной в 1855 году. Новое же звучание этот термин приобрел в связи с созданием после Первой мировой войны так называемой II Речи Посполитой.

Рассмотрим историю западнорусских земель, переходивших от Руси к Польше и обратно (она же, в современной польской терминологии, история «кресов») и сопутствующую историю русско-польских отношений.

С X века власть русских киевских князей распространялась на воыньские земли. В 980-х годах киевский князь Владимир Святой основал город Владимир-Воыньский, ставший опорным пунктом русских князей на Воыни.

Уже в период правления сыновей Владимира сын польского князя Мешко I, Болеслав I Храбрый, пришел на киевские и воыньские земли с войной. Пределы Польши при Болеславе расширились от Чехии до Воыни.

Дочь Болеслава была замужем за киевским князем Святополком Окаянным. Такое прозвище Святополк получил за убийство своих братьев Бориса и Глеба. В 1018 году Святополк привел на Русь печенегов и поляков для войны с другим своим братом — Ярославом Владимировичем.

Болеслав, тесть Святополка, командовал вторгшимися войсками. В этой военной кампании польское войско Болеслава, усиленное печенежскими наемниками, сумело одержать верх над войском Ярослава. Войдя в Киев, Болеслав не спешил передать город в руки Святополка. В конце концов он всё же покинул Киев, но захваченные Болеславом по дороге города Воыни — Червен, Перемышль и др. — тогда остались за поляками.

В 1031 году Ярослав Мудрый выступил в поход на Польшу и вернул Руси воыньские города. Рюриковичи еще долго правили этими землями.

В 1199 году воыньский князь Роман Мстиславович, праправнук Владимира Мономаха, объединил Галицкое и Воыньское княжества.

Однако уже после его смерти началась междоусобная борьба за эти территории, а затем татаро-монгольское нашествие

Объятия президента Польши Анджея Дуды и Владимира Зеленского в Верховной раде Украины. Май 2022 (фото: В. Сарахан)

ISSN 2500-0330

9 772500 033000

* — организация, деятельность которой запрещена в РФ

ВОЙНА ИДЕЙ

Продолжение. Начало — на стр. 1

прервало независимое существование южнорусских земель. С 1243 года Рюриковичи правили Киевским княжеством уже по татарскому ярлыку.

Борьба с монголами ослабила власть Рюриковичей на юго-западных землях. В середине 50-х годов XIV века к Литве перешла часть чернигово-северских территорий. А после битвы с литовцами в 1362 году на Синих Водах Рюриковичи окончательно утратили Киев.

В 1384 году литовский князь Ягайло и его братья целовали крест и клялись в верности победителям Орды — московскому князю Дмитрию Донскому и его двоюродному брату Владимиру Серпуховскому. Согласно заключенному в том же году договору между литовской княгиней Иулианией Александровной (бывшей тверской княжной) и Дмитрием Донским ее сын Ягайло должен был жениться на дочери Дмитрия Донского, а Литовское княжество — признать верховную власть Москвы и принять православие.

Договор этот исполнен, однако, не был. А в 1385 году между Польшей и Литвой заключается Кревская уния. Согласно ее условиям Ягайло женился на польской королеве Ядвиге, крестился сам и крестил литовцев в католицизм. Ягайло получил имя Владислава II. Так возникла династия Ягеллонов.

К 1392 году в результате длительной войны за галицко-волинское наследство земли Галицко-Волинского княжества оказались разделены между Польшей и Литвой.

В начале XVI века Русское государство отбило смоленские и черниговские земли у Литвы, но от возвращения Киева русские были вынуждены тогда отказаться.

Согласно Люблинской унии 1569 года создается конфедерация Королевства Польского и Великого княжества Литовского — Речь Посполитая. В состав Речи Посполитой вошли ослабленные в свое время в результате татаро-монгольского нашествия и захваченные Литвой земли Киевщины и Волыни.

На рубеже XVI—XVII веков Русское государство переживает Смутное время. Поляки воспользовались тяжелым положением у соседей и в 1610 году по приглашению «семибоярщины» вступили в Москву.

Грабежи и насилие поляков привели к народному восстанию, и вскоре ополчение Кузьмы Минина и Дмитрия Пожарского собралось против захватчиков. В октябре 1612 года польский гарнизон в Москве капитулировал.

Правители Речи Посполитой вскоре отказались от планов вернуть власть над Москвой. Но под поляками вновь оказался Смоленск. Вообще в 30-х годах XVII века Речь Посполитая находилась на пике своего могущества: ее власть распространялась на территории современных Польши, Литвы, Украины, Белоруссии, части России, Латвии, Эстонии, Молдавии и Словакии.

В 1654 году начнется очередная русско-польская война. Через 13 лет Речь Посполитая подпишет Андрусовское перемирие. По этому перемирию поляки отказывались от Смоленска, южной Псковщины и Северной земли. Левобережная Украина признавалась русским владением. Киев на два года оставался за Русским государством.

А в 1686 году Русское государство и Польша подписали «Вечный мир», согласно которому отказ поляков от претензий на Киев был куплен за 146 тысяч рублей.

Борьба русских с поляками окончательно завершится в 1772 году, когда Пруссия, Австрия и Россия подпишут конвенцию о первом разделе Речи Посполитой. Согласно этому разделу Российская империя получила часть нынешних прибалтийских и белорусских земель. Екатерина II тогда сожалела, что галицкие земли оказались в составе Австрии,

и даже хотела их со временем выменять. Габсбурги дали полученным землям новое название — Галиция, впоследствии создав коронный край — королевство Галиции и Лодомерии.

Второй раздел Речи Посполитой состоялся в 1793 году между Россией и Пруссией. В результате этого раздела Россия получила еще часть белорусских и украинских земель, в том числе часть Волыни.

Третий и окончательный раздел Речи Посполитой произошел в 1795 году. По словам историка С. М. Соловьева, подходящим в пользу России землям «сама природа указала границы». Императрица Екатерина получила оставшиеся украинские, литовские и белорусские территории, в том числе и часть Волыни. Правда, Галиция по-прежнему оставалась австрийской. В целом же, как указывал В. О. Ключевский, по результатам всех трех разделов «Россия не присвоила ничего исконно польского, отобрала только свои старинные земли да часть Литвы, некогда прицепившей их к Польше». Такого же мнения, как отмечал историк, придерживался и прусский король Фридрих II, признав на встрече глав трех государств, что у одной лишь России есть право так поступить с Польшей, «чего нельзя сказать о нас с Австрией».

В 1807 году Наполеон создал из отобранных им у Пруссии бывших польских территорий Великое герцогство Варшавское. Еще через два года Наполеон присоединил к нему земли побежденной Австрии, которые были получены ею в результате третьего раздела Польши.

В 1815 году, после поражения Наполеона, по решению Венского конгресса западная часть Великого герцогства Варшавского перешла к Пруссии. Восточная же его часть вошла в Российскую империю под названием Царство Польское.

С 1795 по 1917 год у поляков не было своего национального государства.

Появление независимой Польши было связано с революционными событиями в России. 27 марта 1917 года Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов принял обращение к польскому народу, в котором сообщал: «Царский режим, в течение полутора веков угнетавший польский народ одновременно с русским, ниспровергнут объединенными силами

пролетариата и войск. <...> Демократия России стоит на почве признания национально-политического самоопределения народов, провозглашает, что Польша имеет право быть совершенно независимой в государственно-международном отношении».

В октябре 1918 года начинается быстрое распыление Австро-Венгерской империи: Венгрия, Чехословакия, Государство сербов, хорватов и словенцев объявляют о своей независимости. А 11 ноября о независимости объявляет и Польша. Возникает так называемая II Речь Посполитая.

Власть оказывается в руках Юзефа Пилсудского. Пилсудский быстро собирает Войско Польское и начинает наступление на Западно-Украинскую народную республику (ЗУНР), провозглашенную 1 ноября 1918 года в Галиции.

10 сентября 1919 года по Сен-Жерменскому договору, подписанному Австрией после поражения в Первой мировой войне, «союзные и объединившиеся державы» (США, Британская империя, Франция, Италия, Япония и другие) объявили Австрию признать новые границы Польши, а также не противиться их последующим изменениям за счет австрийской территории. Воспользовавшись заключением данного договора, Польша оккупировала Галицию, а 14 марта 1923 года на конференции послов союзных держав добилась оформления своей власти над этой территорией.

В том же 1919 году польские войска, сформированные и вооруженные Францией, уже воевали на восток. Высший совет Антанты рекомендовал Польше остановиться на «линии Керзона», проходившей через Гродно, Ялувку, Немиров, Брест, Дорогуск, Устилуг, восточнее Грубешова, через Крылов и далее на юго-запад до Карпат. Однако это была всего лишь дипломатическая увертка.

Польша, подстрекаемая и вооружаемая Антантой, захватила у ослабленной Гражданской войной России часть белорусских и украинских земель, в том числе Волынь.

После этого Красной Армии удалось добиться перелома в войне и погнать поляков обратно на запад. Красноармейцы остановились уже только под стенами

Варшавы. Внезапное и до сих пор не вполне объясненное спасение Варшавы сами поляки назвали *Cud nad Wisłą* — чудо на Висле.

Результатом неожиданного и сопряженного с большими потерями отступления Красной Армии от Варшавы стало подписание в марте 1921 года в Риге договора, в соответствии с которым западные территории Украины и Белоруссии отошли к Польше. Граница, установленная Рижским договором, не соответствовала ни этнографической карте расселения поляков, ни историческим границам Польши до трех разделов.

«Первая мировая война, благодаря российской революции и поражению Австрии и Германии, принесла свободу и независимость Польше. Советское правительство добровольно согласилось с восстановлением польского государства в пределах его этнографических границ. Это означало, и это было важно для Советской России, что польская восточная граница должна пройти по «линии Керзона», где и проходила изначально. Если бы эта демаркационная линия была принята, история советско-польских отношений в период 1919–1939 годов могла бы быть совсем другой, история Европы могла бы быть другой, возможно, не было бы и Второй мировой войны. К несчастью, в 1920 году Пилсудский, без сомнения поощряемый плохими советчиками из канцелярий Лондона и Парижа, повторил трагическое преступление, совершенное польским руководством шестью веками ранее. Воспользовавшись оккупацией Советской России врагами, польская армия вторглась в Россию и аннексировала в результате подписания Рижского мира украинские и белорусские территории», — напишет позже левые английские исследователи Уильям и Зельда Коутс в своей книге «Шесть веков русско-польских отношений».

После присоединения к Польше западных земель Украины и Белоруссии началась активная колонизация «крестьян». Государственное, административное и судебное делопроизводство переводили на польский язык. На железнодорожных билетах указывались польские названия станций, а почта и телеграф отказывали в приеме отправлений на любых языках, кроме польского. Школы, где пытались сохранить

Пилсудский со свитой. 1926 (фото: М. Фукс)

ВОЙНА ИДЕЙ

преподавание не на польском языке, попросту закрывались.

Ягеллонская и пястовская концепции

Во второй половине XIX века формируются две основные польские политические концепции, актуальные и по сей день: пястовская и ягеллонская.

Ягеллонская концепция — это концепция имперской Польши, апеллирующая к периоду династии Ягеллонов. Апологеты этой концепции изображают Польшу мультикультурной, мультиконфессиональной империей, обладающей обширными территориями на востоке.

Главным врагом такой Польши неизбежно оказывается Россия. Ягеллонский империализм — то есть построение империи путем захвата «кресов» — последовательно реализовывался поляками с момента заключения в 1385 году Кревской унии. И даже после падения Польши такие эмигрантские центры, как «Отель Ламбер», мечтали о восстановлении польского государства в границах до 1772 года. Возрождение в XX веке ягеллонской идеи было связано с именем Юзефа Пилсудского, его проектом Междуморья и прометеизмом, о чем мы еще скажем ниже.

Ягеллонской концепции противостоит концепция пястовская, изображающая Польшу как моноэтническое национальное государство. Сторонники этой концепции призывают к возвращению «исконных» польских земель на западе, якобы незаконно захваченных Германией. Несмотря на адресацию к более древней династии Пястов, концепция эта возникла значительно позже, чем ягеллонская.

Создатели пястовской концепции обратились к легенде из средневекового труда «Хроника и деяния князей или правителей польских» (она же Хроника Галла Анонима), рассказывающей о бедняке Пясте. Как гласит легенда, некие загадочные странники, придя к Пясту в гости, получают радушный, хоть и скромный прием. Ранее те же самые странники побывали на пиру у польского князя Попеля, но там им были не рады. В ответ на доброту приютившего их бедняка странники творят чудеса: угощения в доме Пяста многократно приумножаются. В хоромах же Попеля они, наоборот, исчезают. Далее, согласно сюжету, жадного князя прогоняют прочь, и он гибнет, заедаемый мышами. Сын же добродетельного Пяста Земовит становится князем поляков. Первый исторически достоверный властитель Польши Мешко I считается правнуком Пяста.

Со временем образ Пяста стал в сознании польского народа символом работающего родоначальника, созидающего государство трудом, а не войной.

К этому образу и обратились создатели пястовской концепции в конце XIX века.

Впервые эту концепцию сформулировал в 1887 году на страницах краковского издания «Голос» Ян Людвик Поплавский. В своих статьях Поплавский писал о первостепенной важности для поляков земель, отошедших от них к Пруссии. Поплавский заявлял: «Свободный выход к морю, полноценное владение главной водной артерией страны — Вислой — необходимые условия нашего существования. Весь бассейн Балтийского моря от Вислы до устья Немана, когда-то так небрежно растраченный вместе с Силезией польским государством, должен быть возвращен польской национальности. Отречение от этого естественного наследия и злосчастные иллюзии «восточных завоеваний» (выделено мной. — Авт.) были причиной нашего политического упадка, и сегодня в деле возрождения эти ошибки прошлого тяготят нас и сдерживают в нашем движении к лучшему будущему.

Наши политики еще мечтают о Вильнюсе и Киеве, о Познани заботятся меньше, о Гданьске забыли почти полностью, а о Кёнигсберге и Ополе вообще не думают».

Поплавский призывал «порвать с традицией», следуя которой ради завоевания «кресов» ядро польских земель отдали «немецким палачам». «Пора после стольких столетий скитаний вернуться на старую дорогу, которую сильные руки пястовских воинов проложили к морю», — требовал Поплавский.

Позже соратник Поплавского Роман Дмовский напишет: «Человек, открывший нашему поколению глаза на значение земель прусского раздела (т. е. бывших земель Речи Посполитой, полученных Пруссией в результате ее разделов. — Авт.) для будущего Польши, ясно увидевший, что без этих земель мы можем быть лишь слабой, зависимой от соседей, постепенно увядающей нацией... был Поплавский».

В 1893 году Поплавский, Дмовский, Зигмунт Балицкий и их соратники взяли под свой контроль подпольную организацию Польская лига и преобразовали ее в Национальную лигу. Эта группа разрабатывает основы национал-демократической (а, по сути, националистической) идеологии — эндеции (endecja). Через четыре года будет создана Национально-демократическая партия, которую возглавит Дмовский, ставший главным идеологом эндеции.

В своей работе «Немцы, Россия и польский вопрос», опубликованной в 1908 году, Дмовский развивает пястовскую концепцию Поплавского. Дмовский называет ядро польских земель «пястовской Польшей». Он объявляет главным историческим врагом Польши немцев, утверждая, что именно они всегда угрожали этому ядру, тогда как Россия претендовала только на окраины. В качестве доказательства Дмовский предлагает вспомнить, как были произведены разделы Польши: «В этом смысле были проведены разделы Польши, закончившиеся в 1795 г. Россия отняла литовские и русинские земли, присоединенные к Польше при Ягеллонах, а вся пястовская Польша была поделена между двумя германскими государствами, Пруссией и Австрией». Дмовский утверждает, что «государство Пястов» возникло «в борьбе с западногерманским наводнением, в борьбе с Империей (Священной Римской империей германской нации. — Авт.), а затем и с Тевтонским орденом». И подчеркивает, что только «решительная победа Польши» над этим орденом «позволила ей отвлечь внимание от Запада и направить все силы Ягеллонского государства на Восток».

Дмовский признает мощь Ягеллонской империи и даже утверждает, что при Ягеллонах Польша стала «великим центром западной цивилизации». Но при этом, указывает он, захваты обширных территорий на востоке привели к «размыванию» национального ядра и падению польской культуры под натиском варварства: «...втянутая в схватки с Востоком, она (Польша. — Авт.) постепенно опускалась до уровня своих противников, культура во многих областях отступала, и с цивилизованными влияниями Запада всё больше боролись восточные влияния, меняя обычаи, вкусы... снижая уровень духовной жизни». Обращение поляков на восток, по Дмовскому, стало роковым для Польши: «Государственная политика, обращенная на Восток, подготовила коренной пястовской Польше роль будущего немецкого hinterland'a (т. е. отсталой окраины. — Авт.)».

После Первой мировой войны ко II Речи Посполитой отошла небольшая часть западнопрусских земель, а также, в 1921 году, после неудачной советско-польской войны, — «кресы».

В 1925 году, размышляя о судьбе польского государства, Дмовский продолжал подчеркивать приоритетность для Польши

западных земель: «Только когда в план будущего польского государства были включены все исконно польские земли, можно было думать о включении восточных земель... большая часть населения которых — не польскоязычная», — писал он.

После майского переворота 1926 года и установления диктатуры Пилсудского Дмовский уходит в оппозицию, а эндеция начинает приобретать всё более откровенно фашистские черты.

В межвоенный период националисты — Дмовский со своими сторонниками и еще более радикальные движения — требовали жесточайшей колонизации «кресов». Им противостояли, как мы это увидим ниже, прометеисты, считавшие, что прямая ассимиляция «кресов» натолкнется на яростное сопротивление местного населения.

После падения Третьего рейха была создана новая, социалистическая, Польша. Эта Польша хотя и потеряла «кресы», но зато получила от Германии те самые якобы «пястовские» земли — Западную Пруссию, часть Восточной Пруссии, часть Силезии и большую часть Померании. Такой послевоенный раздел считается триумфом пястовской идеи.

В современной Польше весьма популярна ягеллонская концепция. При этом в последнее время и в политической, и в научной среде пястовскую концепцию зачастую пытаются интерпретировать как построение мирного польского узконационального государства в союзе с Германией — что в корне неверно. Говоря о такой скромной «пястовской» Польше внутри Евросоюза, поляки попросту «забывают», что в ее составе после Второй мировой войны находится значительная часть бывших германских земель и что, соответственно, антигерманская пястовская концепция в большой степени уже реализована.

Юзеф Пилсудский и организация «Прометей»

С 1918 года и особенно после успешной для Польши войны с большевиками в стране утверждается фактический культ маршала Пилсудского. Сам же Пилсудский сразу после возникновения независимой II Речи Посполитой выдвигает экспансионистскую концепцию Междуморья (Intermarium'a) — империи между Балтийским, Адриатическим и Черным морями. Размеры предполагаемого Междуморья не ограничивались даже территорией Речи Посполитой образца 30-х годов XVII века, предполагая включение в союз Чехословакии, Венгрии, Сербии, Румынии и, возможно, Финляндии и Грузии. Однако уже советско-польская война, несмотря на по-

ражение большевиков, сделала очевидной несбыточность в ближайшей перспективе этих польских планов.

В декабре 1922 года Пилсудский передал власть первому президенту Польши Габриэлю Нарутовичу, которого убьют через неделю после его избрания. Но Пилсудский не надолго ушел из большой политики.

В 1926 году в Варшаве происходит так называемый майский переворот, установивший военную диктатуру Пилсудского. Диктатура эта приобретает всё более фашистские черты. Уже сам майский переворот проходил под лозунгом «санации» (от польского *sanacja*, «оздоровление») — имелось в виду оздоровление нации. Установившийся режим также получил название «санации».

Доктрина санации, сформулированная идеологами Пилсудского Адамом Скварчинским и Валерием Славком, носила типичный для того времени профашистский характер. Эта доктрина положила в свою основу теорию элит, сформулированную предтечей итальянского фашизма Вильфредо Парето. Согласно теории санации, большинство населения Польши объявлялось морально нездоровым. Отсюда следовал тезис о необходимости «санации» большинства, которую должно было проводить избранное меньшинство.

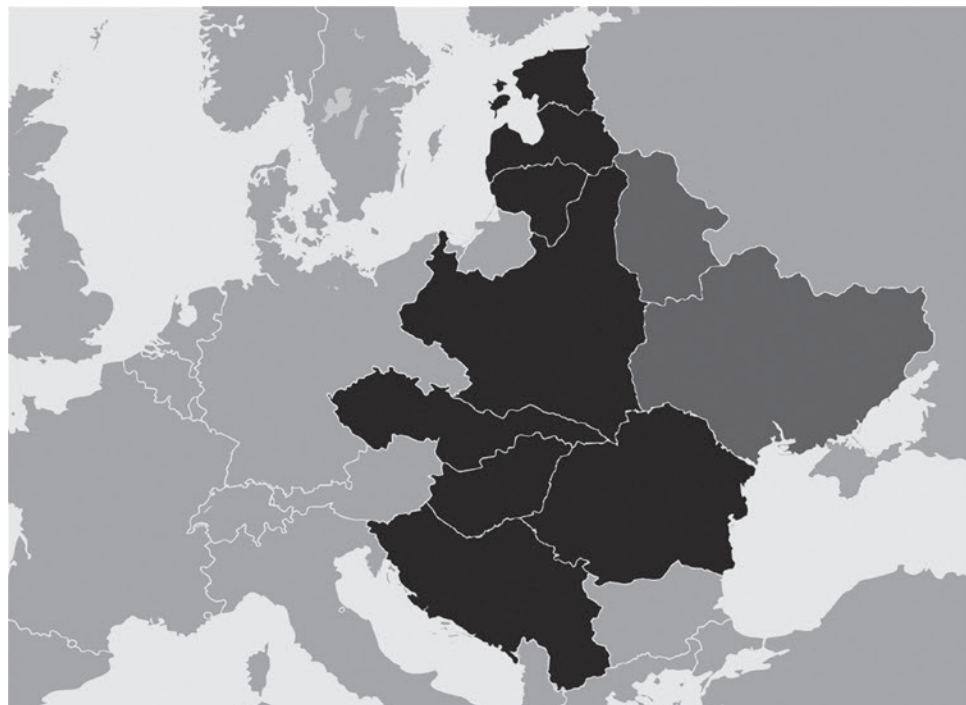
Таким меньшинством стали «пилсудчики» — ревностные сторонники культа Пилсудского.

Доктрина санации лишала большинство населения права занимать государственные посты. Лозунг необходимости «санации» населения II Речи Посполитой обосновывал право меньшинства на жестокую диктатуру, ознаменовавшуюся репрессиями. «Санировали» левых, «санировали» и этнические чуждые население «восточных кресов».

С майского переворота и прихода к власти «пилсудчиков» основной линией восточной политики Польши становится так называемый прометеизм.

Впервые прометеистскую концепцию сформулировал сам Пилсудский еще в далеком 1904 году. Во время русско-японской войны Пилсудский, еще прежде установивший связи с японской разведкой, приезжает в Токио, где подает японскому правительству меморандум. В этом меморандуме предлагалось использовать для подрыва Российской империи малые народы, проживающие на берегах Балтийского, Черного и Каспийского морей. Пилсудский указывал на особую роль Польши, призванной объединить и возглавить этот сепаратистский проект: «Сила Польши и ее значение среди составных частей Российского государства дают нам смелость

Продолжение на стр. 4

Проект Междуморья Пилсудского (темно-серым шрифтом показаны территории, вошедшие позднее в состав СССР)

ВОЙНА ИДЕЙ

Продолжение. Начало — на стр. 1–3

поставить перед собой политическую цель: разбить Российское государство на его основные составные части и освободить страны, насильственно включенные в эту империю. Мы рассматриваем это не только как осуществление культурных устремлений нашей родины к самостоятельному бытию, но и как гарантию этого бытия, ибо Россия, лишая своих завоеваний, будет настолько ослаблена, что перестанет быть грозной и опасной соседкой», — говорилось в меморандуме. Как мы увидим ниже, этот политический завет надолго станет основной целью польской политики. Актуален он и сегодня.

Собственно, представление о Польше как о жертве, «Христе народов», призванном освободить поработанные народы, было заложено еще польскими романтиками XIX века и прежде всего главным польским поэтом Адамом Мицкевичем. Тема Польши как страдающего, но несломленного борца за свободу титана Прометей, призванного освободиться самому и освободить всех страждущих, возникла в то же время. Так, известна картина «Польский Прометей, или Аллегория на побежденную Польшу» (1831), написанная после польского ноябрьского восстания 1830 года французским художником-романтиком Орасом Верне.

Сформулировав свою концепцию, группа Пилсудского принялась устанавливать связи со всеми возможными сепаратистскими движениями Российской империи.

Развитие прометеизма связано с именем польского экономиста и журналиста Владзимежа Вакара. В опубликованной в 1919 году в Варшаве брошюре под названием «Союз освобожденных народов» Вакар выдвинул проект создания одноименного союза. Вакар утверждал, что свободе недавно возникших малых государств Европы угрожают три державы: Австрийская, Германская и Российская. «Эти государства вели непрекращающуюся войну внутри своих стран... с начала своей истории и до наших дней», — писал Вакар. Автор обвинял эти три страны в развязывании Первой мировой войны и предупреждал, что вскоре они, несмотря на поражение, попытаются вновь подчинить себе славянские народы, Прибалтику, Финляндию, Венгрию и пр.

Вакар заявлял о необходимости уничтожения трех этих держав и создания на их обломках коалиции малых государств: «Между немцами и Россией возник бы огромный союз освобожденных народов (выделено мной. — Авт.), который не дал бы им возможности повторных завоеваний». Естественно, в этом союзе верховодила бы Польша, поскольку, как пишет Ва-

кар, только польский народ, долгое время разделенный между Германией, Австрией и Россией, «хорошо знает своих трех захватчиков и понимает, что всеобщий мир и свобода народов возможны только тогда, когда все трое будут побеждены».

Вакар также утверждал, что, только создав такой союз, Польша «защитит навсегда свою свободу».

«Польша, расположенная между ними (между Германией, Австрией и Россией. — Авт.), станет звеном, необходимым для общей свободы, сторожевой башней мира, оплотом народов. <...> От польского народа сегодня зависит всё, зависит свобода многих народов и мир во всем мире», — писал Вакар. Таким образом, проект Вакара прямо наследовал как Междуморью Пилсудского, так и польскому мессианству XIX века, изображавшему Польшу как страдающего за весь мир «Христа народов».

Здесь необходимо сказать несколько слов об известной политической концепции британского дипломата Хэлфорда Маккиндера и о ее связи с прометеизмом.

В 1904 году Маккиндер зачитал перед британским Королевским географическим обществом доклад «Географическая ось истории». В этом докладе он называл центральную часть Евразии «осевым регионом». Располагающуюся в настоящий момент на этих землях Россию Маккиндер, соответственно, называл «осевым государством». И заявлял об опасности усиления последнего в случае, если Германия вступит в союз с Россией.

В книге «Демократические идеалы и реальность», опубликованной в 1919 году, Маккиндер дал обозначенной им части Евразии новое наименование — «Хартленд» (англ. Heartland, «сердцевинная земля», «сердце мира»). Маккиндер утверждал: «Кто правит Восточной Европой, тот владеет Хартлендом; кто правит Хартлендом, тот владеет Мировым Островом (то есть Евразией и Африкой. — Авт.); кто правит Мировым Островом, тот владеет Миром». Территория, обозначенная Маккиндером как «Хартленд», примерно совпадала с территорией Российской империи. Маккиндер вновь указывал на противостояние морских держав, таких как Великобритания, державам континентальным, таким как Россия и Германия. Противодействием же угрозе объединения Германии и России он называл наличие между этими двумя странами «Среднего яруса» (англ. Middle Tier) независимых государств.

Пилсудский был знаком с концепцией Маккиндера не понаслышке. В середине 1919 года Маккиндер по поручению министра иностранных дел Великобритании

лорда Керзона возглавил британскую миссию, отправленную к генералу Деникину с целью сплотить широкий антибольшевистский фронт. В рамках этой миссии Маккиндер в декабре 1919 года провел в Варшаве переговоры с Пилсудским. Во время переговоров Маккиндер обещал Пилсудскому поддержку британского правительства осуществлению проекта Междуморья, основанного на польско-деникинском союзе.

В начале января 1920 года Маккиндер морем добрался до Новороссийска, а оттуда — в ставку Деникина на станции Тихорецкая. Там он встретился с Деникиным и Врангелем.

Результатом всех этих переговоров стал отчет Маккиндера от 21 января 1920 года, который он направил премьер-министру Великобритании Ллойд Джорджу. В этом отчете Маккиндер указывал на необходимость создания политического блока в Восточной Европе для противодействия большевистской угрозе. Термин «Междуморье» он не употреблял, но речь шла именно об этом: «Балтийские провинции, Грузия и Азербайджан должны быть включены в польско-деникинскую Лигу государств», — писал Маккиндер.

Таким образом, прометеистский проект Пилсудского создавался параллельно и во взаимосвязи с британскими разработками.

15 августа 1920 года, когда советские войска стояли под Варшавой и судьба Польши, казалось, была предрешена, в Варшаве публикуется первый номер журнала «Альянс» (Przymierze), редактором которого выступает всё тот же Вакар. Передовой в этом номере стала статья Вакара под одноименным названием «Альянс». «Наше освобождение поработанных народов не является локальным событием... а является переустройством мира, о котором должен заботиться весь мир», — заявлял Вакар. О целях новосозданного журнала сообщалось так: «Наш журнал призван служить великой идее взаимопонимания и политического сближения т. н. «Новых наций».

В октябре 1920 года, после вышеупомянутого неожиданного отступления Красной Армии из-под Варшавы, в «Альянсе» выходит статья Вакара под названием «С чем мы идем?». В ней автор называл главным врагом уже не три империи, как раньше, а одну — Россию: «Все мы хотим положить конец захватническому империализму России как всемирному врагу».

Данная статья стала программной для созданного в январе 1921 года в Варшаве Союза сближения возрожденных народов. Союз этот считается первой прометеистской организацией. Устав организации гласил, что ее целью является «культурное и экономическое сближение народов балтийских и понтийских». На деле речь шла об объединении эмигрантских групп, вынужденных бежать с территории России после победы большевиков. «Альянс» становится официальным еженедельником Союза сближения возрожденных народов, а Вакар — ключевой фигурой зарождающегося прометеистского движения.

Важнейшую роль в движении играли украинцы, а именно петлюровцы. Тут следует уточнить, что в декабре 1918 года вышеупомянутая держава гетмана Скоропадского пала, чему сильно поспособствовали петлюровцы, а в феврале следующего года атаман Симон Петлюра возглавил Директорию УНР. В апреле 1920 года Петлюра

Государства «Среднего яруса» из книги Хэлфорда Маккиндера «Демократические идеалы и реальность». 1919

заключил с Пилсудским союз против большевиков, согласно которому Украина отказывалась от Галиции и Волыни в пользу Польши. После падения Директории Петлюра эмигрирует в Польшу, но после требования большевиков о его выдаче оседает в Париже, где и возглавит правительство УНР в изгнании. Бывший же петлюровский министр Станислав Стемповский с 1920 года находился в Варшаве, где и помогал Вакару печатать еженедельник «Альянс» и создавать Союз сближения возрожденных народов.

Вскоре Стемповский станет главой Польско-украинского общества, под прикрытием которого действовали прометеисты. Украинский публицист Евгений Маланюк, сотрудничавший с духовным отцом бандеровцев Дмитрием Донцовым и близко знавший Стемповского, писал: «Был период (1920 год), когда в узких пальцах этого человека (Стемповского. — Авт.) сходились многие нити украинско-польской политики, преимущественно внеофициальной, закулисной».

В Союз сближения возрожденных народов вошли представители сепаратистских эмигрантских групп многих народов бывшей Российской империи: финны, белорусы, украинцы, крымские татары, крымские и кубанские казаки, грузины, азербайджанцы, горцы Северного Кавказа. К ним вскоре примкнули армяне и туркестанцы. Волжские татары и башкиры составили секцию Идель-Урала.

Организация с самого начала поставила себе две цели: срочную и долгосрочную.

Срочно нужно было развернуть не только в Польше, но и по всей Европе пропаганду интересов малых народов, якобы сначала поработанных Российской империей, а затем большевиками.

Долгосрочной целью прометеистов заявлялось падение «большевистской империи». Прометеисты уже тогда считали это лишь вопросом времени. Союз рассматривал себя как координационный центр, который в будущем поможет избежать множественных конфликтов между «освобожденными народами» Советской России.

Деятельность организации была приостановлена после временного ухода в 1923 году из большой политики Пилсудского. После же возвращения Пилсудского к власти как диктатора в результате переворота 12–15 мая 1926 года прометеизм обретет второе дыхание.

Собственно организация «Прометей» была создана в январе 1926 года в Париже, где находилось и петлюровское правительство. Польско-украинский тандем парижского «Прометей» был омрачен убийством 25 мая 1926 года в Париже бывшего главы Директории Петлюры. Помимо украинцев,

Орас Верне. Польский Прометей, или Аллегория на побежденную Польшу. 1831

ВОЙНА ИДЕЙ

LES NATIONS OPPRIMÉES PAR MOSCOU

Открытка с картой прометеистской «Лиги угнетенных народов»: «Народы, угнетенные Москвой» («Ligue des Nations opprimées par Moscou»)

в организацию вошли все вышеназванные эмигрантские группы.

Прометеистский проект подразумевал разделение России, а позже СССР, по национальным швам — и возникновение на обломках союзного образования во главе с Польшей. Собственно, прометеизм был способом реализации другого, уже упоминавшегося проекта Пилсудского — Междуморья.

Нельзя сказать, что эта идея была нова. Крупнейший центр польской эмиграции XIX века, «Отель Ламбер», созданный в Париже «некоронованным королем польским» Адамом Чарторыйским, сформулировал схожую концепцию польского панславизма. Концепция эта подразумевала разрушение Российской империи при помощи славянского сепаратизма — прежде всего украинского — и создание под руководством поляков на ее обломках новой федерации.

И концепция славянской федерации «Отеля Ламбер», и Междуморье, и прометеизм, безусловно, были адаптациями ягеллонской идеи к политическим реалиям нового времени.

Лозунгом прометеистов становятся слова «За нашу и вашу свободу». Изобретение этого лозунга приписывают одному из организаторов польского восстания 1830 года Иоахиму Лелевелю. Тридцатью годами позже его начнет использовать Герцен. Во второй половине XX века данный лозунг станет визитной карточкой диссидентского движения в СССР. Сегодня же эти слова поднимает на свое знамя в России «белоленточная» оппозиция.

Организация «Прометей» сформировала разветвленную агентурную сеть по всему миру. Ее представительства появились в Тегеране, Стамбуле, Берлине, Хельсинки, Харбине и т. д.

Как пишут В. К. Былинин, А. А. Зданович и В. И. Коротаев в своей статье «Организация «Прометей» и «промтейское» движение в планах польской разведки по развалу России/СССР», написан-

ной по архивным материалам, попавшим в Советский Союз во время Второй мировой войны, данный проект подразумевал «конкретные действия польской разведки, которые были направлены на территориальное расчленение России/СССР с помощью хорошо организованного и контролируемого ею процесса объединения антирусских националистических сил различного толка, включая национал-сепаратистов или национал-интеграторов».

В 1928 году в Варшаве учреждается клуб с длинным названием «Прометей» — Лига угнетенных Россией народов: Азербайджана, Дона, Карелии, Грузии, Идель-Урала, Ингрии, Крыма, Кубани, Северного Кавказа, Туркестана и Украины». Прометеевцев куриро-

вал ближайший сподвижник Пилсудского Тадеуш Шетцель, глава так называемой «двойки» — II отдела польского Генштаба (военная разведка и контрразведка). Для осуществления деятельности «Прометей» при II отделе Генштаба была создана 2-я экспозитура, которой руководил легендарный офицер польской разведки Эдмунд Харашкевич. Харашкевич считался одним из главных польских специалистов по украинским делам. По размаху шпионско-диверсионной деятельности против СССР, а также по численности и национальному разнообразию кадрового состава организация «Прометей» не имела аналогов в 20–30-е годы XX века. Но что стояло за созданием в 1928 году в Варшаве клуба «Прометей»?

Деятельность Ежи Гедройца в межвоенный период

За два года до этого, в 1926 году, в той же Варшаве создается Восточный институт, в недрах которого будет оттачиваться доктрина «Прометей». Финансирование института и его подразделений осуществлялось на пах польским МИД и военным ведомством под неусыпным контролем 2-й экспозитуры и лично Харашкевича.

В 1928 году в Восточном институте начнет работать Востоковедческий кружок молодежи (ВКМ). ВКМ иногда называют «академией прометеизма». И недаром — так, в одной из записок Комитета по делам общественной безопасности социалистической Польши говорилось: «Создание ВКМ как кузницы молодых прометеевских кадров вдохновлено 2-й экспозитурой II отдела Генштаба». Основатель ВКМ, студент юридического факультета Варшавского университета Владзимеж Бончковский, сделает быструю карьеру в Восточном институте. В 1934 году именно его направляют в Берлин с заданием попытаться установить связь между Восточным ин-

ститутом и Антикоминтерном. Во второй половине 1930-х Бончковский начнет отвечать за всю политическую работу в Восточном институте. А с 1938 года 2-я экспозитура фактически передаст Восточный институт группе Бончковского.

Еще раньше, с 1930 года, Бончковский начнет в рамках работы «Прометей» издавать журнал «Восток» (Wschód-Orient), а с 1932 года — «Польско-украинский бюллетень» (Biuletyn Polsko-Ukraiński). Последний публиковался под эгидой Польско-украинского общества, возглавлявшегося уже упоминавшимся прометеистом Станиславом Стемповским. Редактором «Востока» становится ненадолго еще один студент юридического факультета Варшавского университета Ежи Гедройц (сам Гедройц утверждал впоследствии, что принимал участие в создании только первого номера журнала). Забегая вперед, скажем сразу, что взгляды этого юноши позднее определят внешнеполитический курс всей постсоциалистической Польши.

Гедройц принадлежал к тем кругам националистической настроенной варшавской университетской молодежи, которые с воодушевлением приветствовали майский переворот и установление диктатуры Пилсудского. Входил Гедройц и в такие закрытые студенческие корпорации, как «Родина» (Patria) и «Великодержавная мысль» (Myśl Mocarstwowa). Обе организации сотрудничали с Восточным институтом.

При этом «Родина» прямо тяготела к фашистскому радикализму.

Что касается «Великодержавной мысли», то она была создана дальним родственником Юзефа Пилсудского Ровмундом Пилсудским, проповедовавшим идеи прометеизма.

В 1927 году Ровмунд Пилсудский выпустил в одноименном журнале «Великодержавная мысль», который вскоре стал выходить под названием «Академический день» (Dzień Akademicki), программную статью. В статье этой постулировалась верность ягеллонской идее: «Воскрешение Ягеллонской идеологии, исходящей из понятия Польской державы (Polski-Mocarstwa) как государства, в котором притягательная сила польской государственной идеи, основанной на этике католической религии, является фактором, втягивающим в орбиту интересов польского государства национальные меньшинства, побуждая их к лояльному сотрудничеству на общее благо».

Гедройц вступает в «Великодержавную мысль» в 1929 году и, по выражению одного из сотрудников 2-й экспозитуры, «вскоре полностью захватывает» журнал «Академический день». В 1931 году журнал меняет свое название на «Бунт молодых» (Bunt Młodych), а Гедройц становится его редактором. Позднее журнал стал называться «Политика». Именно Гедройц будет определять основную линию данного журнала вплоть до падения II Речи Посполитой.

В 1938 году представители 2-й экспозитуры писали о группе «Бунта молодых»/«Политики»: «Нынешняя группа «Политики» генетически происходит от политической молодежной организации «Великодержавная мысль»... И вся группа «Великодержавной мысли», и «Бунт молодых» составляли правое крыло в тогдашнем младо-пилсудчиковом лагере...»

Уже после Второй мировой войны в 1965 году в свет выйдет небольшая работа «Двойная жизнь Ежи Гедройца». Работу эту под псевдонимом Тадеуш Матейя написал сотрудник I отдела МВД (внешняя разведка) социалистической Польши Клаудиуш Грабик, занимавшийся борьбой с польской эмиграцией. Грабик называет «Бунт молодых» «органом фракции молодых пилсудчиков из правого крыла». Журнал, по Грабику, «разработал кон-

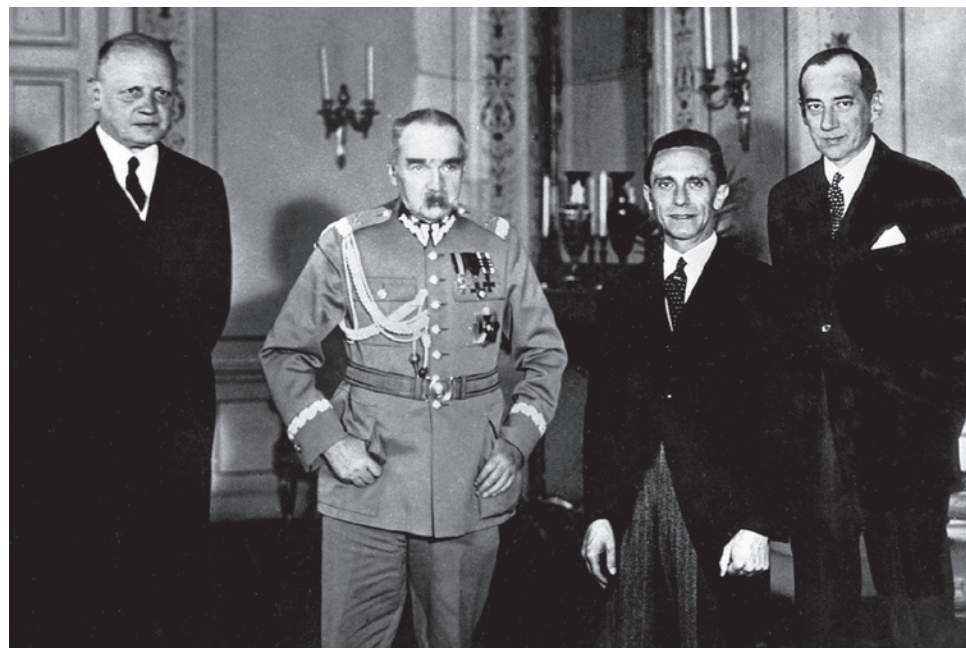
Богуслав Новаковский. Польский агитационный плакат. Охота на медведя. 1920

ВОЙНА ИДЕЙ

Продолжение. Начало — на стр. 1–5

Члены партии Лагерь Великой Польши. 1935

Слева направо: немецкий посол в Польше Ганс-Адольф фон Мольтке, Пилсудский, Геббельс, министр иностранных дел Польши Юзеф Бек. Варшава. Июнь 1934

цепцию, сводившуюся к моральной поддержке правительства санации». «Бунт молодых», настаивает Грабик, был отнюдь не чужд фашизму, а его идеи в области восточной политики были совершенно экспансионистскими: «Печатный орган Ежи Гедройца увлекался итальянской версией фашизма, а в том, что касается польской политики, стремился активизировать польскую экспансию на восток, юг и северо-восток». Добавим, что журнал в том числе попросту предлагал выдворить максимальное число евреев в Палестину, а оставшихся — ассимилировать.

В условиях холодной войны легко было отрешиваться от обвинений в близости к фашизму как от коммунистических наветов. В ответ на обвинение Грабика Гедройц утверждал, что никогда не поддерживал консервативную линию, которая в «Бунте молодых» якобы представлялась лишь Адольфом Бохенским. «Другие сотрудники журнала, включая меня, вообще не разделяли консерватизма», — уверял Гедройц. Однако политическая линия «Бунта молодых» определялась именно Гедройцем. Братья же Бохенские, Адольф и Александр, ценимые в 1930-х годах как яркие политические журналисты, были ближайшими соратниками Гедройца и со-редакторами журнала.

Александр Бохенский, отвечавший, как и его брат, в журнале за идеологию, а также за украинский вопрос, писал еще одному соратнику Гедройца Станиславу Лосю, частому автору этого журнала, что начиная с 1933 года (то есть с прихода в Германии к власти Гитлера), «их (Бунта молодых). — Авт.) цель — создать идеологию консервативную, но способную охватить все сферы». Бохенский добавлял, что именно такая идеология «будет работать на BBWR». Тут следует пояснить, что BBWR — Беспартийный блок сотрудничества с правительством, формально называвшийся внеполитическим объединением, де-факто представлял собой партию власти при Пилсудском. BBWR был создан в 1927 году ближайшим сподвижником Пилсудского, упоминавшимся выше Валерием Славекком. Появление BBWR было связано с особенностями майского переворота, приведшего Пилсудского к власти. В момент переворота Пилсудский, сам вышедший из социал-демократической среды, заручился поддержкой социалистов и коммунистов. Однако, получив власть, он резко дистанцировался от левых. BBWR же помог развернуть против них репрессии.

Надо сказать, что в политическом пространстве тогдашней Польши большой вес имели открытые фашисты, куда более правые, чем Пилсудский. Так, отцом-основателем II Речи Посполитой наряду с Пилсудским считается вышеупомянутый Роман Дмовский.

В декабре 1926 года, после установления диктатуры санации, Дмовский создал партию «Лагерь Великой Польши» (Obó Wielkiej Polski) — совершенно фашистское движение, ориентированное на идеи Муссолини. Члены партии Дмовского еще в большей степени, чем пилсудчики, исповедовали элитаризм. Собственно, на тот момент партия эта в своих заявлениях о борьбе с усилением евреев в экономике и примате интересов поляков не слишком отличалась от партии Гитлера. Фашистская суть идей Лагеря Великой Польши не была в те времена ни для кого тайной. К примеру, всё тот же «Бунт молодых» писал в апреле 1933 года: «В 1926 году Роман Дмовский на съезде в Познани учредил «Лагерь Великой Польши», который собрал в свои ряды молодые поколения, желающие играть в Польше ту же роль, что фашизм в Италии и гитлеризм в Германии».

В 1927 году Дмовский в программных документах «Лагеря Великой Польши» восхвалял опыт Муссолини и предлагал взять его на вооружение. Дмовский утверждал, что, следуя тем же путем, что и Муссолини, польская нация станет единым «телом, способным руководствоваться одной мыслью и действовать по одному плану».

Добавим, что много лет спустя, в 1989 году, Гедройц заявил: «Польшей правят два гроба: Пилсудского и Дмовского». Таким образом он не только указывал на неизменную популярность идей Дмовского, наряду с идеями Пилсудского, но и намекал на то, что противостояние пястовской и ягеллонской концепций остается актуальным. В сегодняшней Польше любят повторять эти слова Гедройца.

Но вернемся к приведенной выше цитате Александра Бохенского о стремлении «Бунта молодых» создать консервативную идеологию, способную «охватить все сферы» и быть совместимой с BBWR. Говоря о консервативной идеологии, Бохенский явно имел в виду именно ультраправую идеологию, которую надлежало сделать совместимой с менее радикальной партией власти BBWR. Приводя данное высказывание Бохенского, показывающее реальную идеологическую направленность «Бунта молодых», современный польский историк из Института истории Польской академии наук Павел Либер

справедливо отмечает: «Трудно представить, чтобы эти взгляды не совпадали со взглядами главного редактора периодического издания», — то есть со взглядами Ежи Гедройца.

Сам Гедройц в том же 1933 году разрывает с Ровмундом Пилсудским. По словам Гедройца, это было вызвано переходом Ровмунда в левое крыло пилсудчиков. Отметим, однако, что «левым» указанное крыло можно было назвать с очень большой натяжкой.

Из тех же слов понятно, что сам Гедройц относил себя к правым. Но насколько правым он был? Обратимся еще раз к публикациям «Бунта молодых», редакционную линию которых определял, повторим, именно Гедройц.

«Бунт молодых» с энтузиазмом приветствовал приход Гитлера к власти в Германии. Ряд статей издания призывал учиться на опыте нацистов. Так, один из авторов «Бунта молодых» сетовал в 1933 году, что у «польского национального движения нет такого лидера, как Муссолини или Гитлер».

А осенью 1935 года — уже после введения в Германии Нюрнбергских расовых законов, когда ни у кого не оставалось никаких иллюзий насчет Гитлера, — в нескольких номерах журнала печатается статья «Немецкая революция». В этой статье восхваляются Нюрнбергские законы, которые журнал, вслед за нацистскими изданиями, называет «второй революцией Гитлера». Изобилуют такие пассажи, как: «то, что происходит в Германии, — это революция», «нацизм — это революция,

первая великая революция в Германии», «это великое течение». А также прямо воспеваются Гитлер: «Ни один из бывших немецких героев не обладал такой притягательной силой», «единственный и неповторимый Гитлер» и т.д.

Приход к власти в Германии нацистов привел к резкой радикализации правых движений по всей Европе. В Польше под давлением правых санация приобретала всё более фашистские черты, особенно после смерти в 1935 году Пилсудского. По словам польского историка Николая Мировского, «в 1935 году (то есть после смерти Пилсудского. — Авт.) санация осуществила своего рода мутацию программы Национально-демократической партии» — то есть партии Дмовского. Мировский подчеркивает, что после смерти Пилсудского «духовно победил» именно Дмовский, что «миф Пилсудского», заложенный в основу санации, «становится коричневым».

Тем не менее в тогдашней Польше для многих даже партия Дмовского, не говоря уж о санации, была недостаточно радикальной.

Так, в 1934 году от «Лагеря Великой Польши» откололось молодежное крыло, получившее название Национально-радикального лагеря. Его запретили через три месяца, и его члены находились затем на нелегальном положении.

В 1935 году Национально-радикальный лагерь снова раскололся на две части. Ультрарадикальная его часть получила говорящее само за себя название — Национально-радикальное движение «Фаланга».

Совместный военный парад польских и немецких войск в 1938 году

ВОЙНА ИДЕЙ

Митинг национально-радикального движения «Фаланга» в варшавском цирке Станевского. 1937

Программа «Фаланги», по сути, неотличима от программы НСДАП. Разделяя лютой антисемитизм, организация открыто поддержала Нюрнбергские законы и требовала ввести их в Польше. «В настоящее время немцы приступили к окончательной ликвидации еврейства. <...> Когда мы, наконец, приступим к мужскому и серьезному решению этого вопроса?» — восклицали лидеры «Фаланги» на страницах своего издания «Кузница». У «Фаланги» был свой «вождь» по типу Гитлера, Болеслав Пясецкий. По его инициалам членов «Фаланги» называли «бэпистами». Коммунизм фалангисты, как и нацисты, приравнивали к еврейскому заговору.

Интересно, что Ежи Гедройца приглашали сотрудничать с журналом «Фаланги» «Великая Польша» (Wielka Polska) за «личное доверие к ценностям и идейным установкам». Вождь «Фаланги» Пясецкий был членом той же студенческой корпорации «Родина», что и Гедройц.

Между тем «Бунт молодых» всё более правел. В 1937 году его переименовали в «Политику», при этом Гедройц продолжал полностью определять линию издания. Идеолог «Политики» Адольф Бохенский со страниц журнала призывал польское правительство заключить стратегический союз с нацистской Германией против Советского Союза. А в феврале 1939 года «Политика» опубликовала редакционную статью с красноречивым заголовком «Требуем польского «гитлеризма», выражавшую восхищение успехами Третьего рейха. Подчеркнем, что «Политика» не была каким-то маргинальным изданием, ее аудитория представляла собой элиту: «Никогда не писали толпе, демосу, улице. Писали для тех, кто о будущей Польше говорит всерьез и кто эти массы хочет повести и поведет за собой», — так определяла редакция «Политики» в 1937 году свою стратегию.

Отметим, что самому Гедройцу в межвоенный период был отнюдь не чужд антисемитизм. Марек Жебровский, автор монографии «Ежи Гедройц. Жизнь до «Культуры», приводя многочисленные примеры пронацистских высказываний в межвоенный период на страницах изданий Гедройца, подытоживает: «Его взгляды и его сочинения были, безусловно, радикальными».

Деятельность Гедройца во время Второй мировой войны

Реализуя ягеллонскую концепцию, Польша в 1938 году, по выражению Уинстона Черчилля, «с жадностью гиены приняла участие в ограблении и уничтожении чехословацкого государства». В этот период

в Польше всерьез рассматривали и возможность совместного с нацистской Германией нападения на СССР.

Дальнейшему развитию польской экспансии помешала сама Германия. 1 сентября 1939 года немцы напали на Польшу, и менее чем через месяц Варшава пала. Польша вновь утратила свою государственность, а на «восточных кресах» встали пограничные войска Красной Армии.

Польское правительство и военное командование покинули страну. Сбежал и куратор прометеистского проекта Харашкевич. Осев в Париже, он продолжил свою идеологическую работу и написал историю прометеизма.

После начала Второй мировой войны часть агентурной сети «Прометей» вместе с курировавшими ее офицерами II отдела Генштаба была, по некоторым данным, переведена английской разведкой. Другая, большая, часть «прометейской» агентуры перешла в непосредственное подчинение к фашистским спецслужбам с последующим использованием в диверсионном подразделении «Бранденбург-800», разведшколах «Ягдфербанд-Ост» и «Цепелин», а также в переводческой спецгруппе «Винета» фашистского министерства пропаганды.

Польское правительство в изгнании было создано 30 сентября 1939 года во Франции из польских политиков и офицеров. Летом 1940 года оно перебирается в Лондон, где и будет существовать, оставаясь на антисоветских позициях, до 1990 года.

30 июля 1941 года в Лондоне премьер-министр польского правительства в изгнании Владислав Сикорский и посол СССР в Великобритании Иван Майский подписали советско-польское Соглашение о восстановлении дипломатических отношений и о создании польской армии на территории СССР. Советско-германские договоренности 1939 года о польских территориях признавались утраченными силой. По результатам этого соглашения в СССР в 1941 году была сформирована польская армия генерала Владислава Андерса — из поляков «под командованием, назначенным польским правительством с согласия советского правительства».

Армия Андерса всячески уклонялась от боевых действий на советско-германском фронте. «Говорили, что Андерс совершенно потерял голову, не хочет сражаться, а старается сторонкой, избегая всякой возможности встречи с противником, как можно быстрее пробраться в Венгрию. Говорили о том, что единственным человеком, который думает и работает за всех, является майор Адам Солтан, начальник штаба Андерса, и что если бы не он, то от всей группы и следа не осталось бы», — вспоминал адъютант Андерса Ежи Климовский.

Что касается Ежи Гедройца, то после падения II Речи Посполитой он сначала оказывается в Бухаресте, где становится секретарем польского посла. В 1940 году он выезжает в Турцию. Оттуда Гедройц отправляется в Палестину, где вступает рядовым в польскую Карпатскую бригаду вышеупомянутого генерала Владислава Сикорского.

Сам Сикорский занимал крайне двусмысленную позицию по отношению к СССР. Так, его усилиями была создана не только как бы просоветская Армия Андерса, но и Армия Крайова, которая будет активно сотрудничать с США и Великобританией. Ее целью изначально была организация подрывной деятельности в немецком тылу, к концу войны же она всячески препятствовала быстрому наступлению Красной Армии на запад. Антисоветский характер Армии Крайовой хорошо известен. Например, 1 октября 1942 года в боевом листке, распространяемом отделом пропаганды Армии Крайовой, заявлялось: «Ад на Волге. Сатана черной свастики и сатана красный <...> Битва за Сталинград приобретает историческое значение. Важно и то, что эта гигантская битва «на великой реке» затягивается. В ней уничтожат друг друга две величайшие в мире силы зла». Ничем особо выдающимся Армия Крайова не прославилась, разве что карательными акциями на Вольни против украинского населения в ответ на резню Украинской повстанческой армией* (УПА*) поляков.

Гедройц, служа в Карпатской бригаде, принимает участие в боевых действиях в Египте. В 1942 году Карпатская бригада возвращается в Палестину и объединяется с Армией Андерса, которая к концу 1942 года ушла с разрешения советского командования в Иран, фактически сбежав с русско-немецкого фронта. У Андерса Гедройца направляют в бюро пропаганды. «Руководство пропагандистско-культурной деятельностью» Армии Андерса оказывается в руках Гедройца. В бюро пропаганды Гедройц знакомится со многими будущими своими соратниками, в том числе с Юлиушем Мерошевским.

В 1945 году Гедройц становится начальником Европейского департамента министерства информации правительства Польши в Лондоне. Там же оказывается и Мерошевский.

После победы СССР над германским рейхом Польша вновь обрела независимость. Советско-польская граница прошла по «линии Керзона» так, что за СССР остались Западная Белоруссия и Западная Украина. К власти в Польше после войны пришло просоветское правительство.

Между тем ряд польских политических активистов, недовольных новым послевоенным устройством мира, остались в эмиграции. Среди них был и Гедройц.

Гедройц и прометеизм

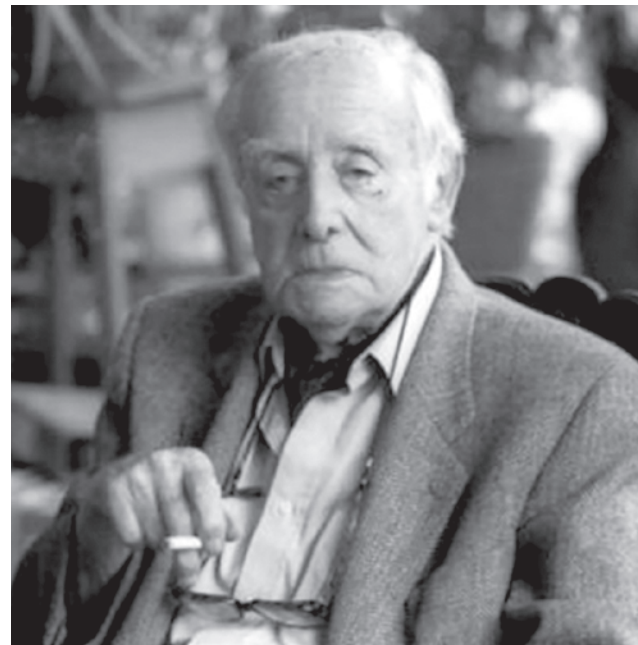
В 1947 году Гедройц начинает издавать журнал «Культура», ставший важнейшим эмигрантским польским изданием. Гедройц, Мерошевский и их коллеги обосновываются в предместье Парижа Мезон-Лаффите.

Вскоре группу Мезон-Лаффита, она же группа «Культуры», начнут сравнивать с вышеупомянутым «Отелем Ламбер»,

парижским центром польской эмиграции XIX века.

Гедройц с самого начала замышлял свой центр именно как новый «Отель Ламбер». Характерно, что еще в период строительства центра в Мезон-Лаффите Гедройц в переписке с Мерошевским называл его «Домом Культуры или Отелем Ламбер». В 1954 году в одном из писем он отмечал: «Я настоял на том, что у меня будет свой Отель Ламбер...»

Интересно, что в рабочем кабинете Гедройца в Мезон-Лаффите рядом с изображением Богоматери висело два портрета: Пилсудского и главы «Отеля Ламбер» Адама Чарторыйского. Ежи Стемповский, сын вышеупомянутого Станислава Стемповского, стоявшего у истоков «Прометей», ближайший соратник Гедройца по «Культуре», писал ему в личном письме в 1968 году: «Вы являетесь нашим князем Чарторыйским». Добавим, что еще в 1930-е годы соратники называли Гедройца «князем». Так же, просто «князем», называли и Адама Чарторыйского члены «Отеля Ламбер», особенно в переписке.

Ежи Гедройц

При этом Гедройц действительно происходил из древнего литовского княжеского рода Кгедройт, но в прямых родственных связях с Ягеллонами — что давало бы право претендовать на польский престол, — в отличие от Чарторыйского, не состоял. Впрочем, в XX веке перспектива установления польской монархии, ягеллонской или какой-либо другой, стала более чем сомнительной, так что прозвище Гедройца носило чисто символический характер.

После войны Гедройц дистанцировался от всяческого радикализма и занял либеральную, умеренно-левую позицию. Польский историк Рафал Хабельский, сравнивая довоенные статьи под редакцией Гедройца с послевоенными, отмечал, что «Культура» надела на себя левую маску. Вместе с тем, рассказывая на страницах «Культуры» о необходимости создания независимой Украины, Гедройц понятным образом стремился дистанцироваться и от экспансионистского польского прометеизма. Отдельным важным вопросом являются связи Гедройца со 2-й экспозитурой, непосредственно курировавшей этот самый прометеизм, и II отделом польского Генштаба («двойкой») в целом.

Гедройц сначала привлек к «Культуре» своего старого друга, печатавшегося еще в «Бунте молодых», Ежи Незбжицкого (псевдоним — Рышард Врага) — фигуру легендарную: офицер II отдела польского Генштаба, член «Прометей», он сотрудничал и с другими разведками мира. В 1931 году он становится главой подразделения «Восток» II отдела Генштаба, занимавшегося шпионажем против СССР. Незбжицкий — один из известнейших польских

* — организация, деятельность которой запрещена в РФ

ВОЙНА ИДЕЙ

Продолжение. Начало — на стр. 1–7

шпионов, работавших на территории Советской Украины, специалист по украинскому вопросу. Именно он начал раскрутку мифа о голодоморе, свидетелем которого якобы был. Так вот, в эмиграции Гедройц и Незбжицкий быстро рассорились, и Незбжицкий несколько раз выступил против «Культуры». Уже в мае 1948 года он заявил, что «Бунт молодых» финансировался «двойкой». Естественно, Гедройц отрицал такую связь.

Ситуация осложнилась в середине 1960-х годов после публикации вышеупомянутой работы контрразведчика социалистической Польши Клаудиуша Грабика «Двойная жизнь Ежи Гедройца». В ней автор утверждал, что Гедройц как минимум с 1930 года работал на 2-ю экспозитур. Грабик приводил документ, подтверждающий финансирование 2-й экспозитурой журнала «Восток», где фигурировала фамилия Гедройца в качестве редактора первого выпуска. Гедройц, указывал Грабик, был поставлен на редактуру «Востока» именно «двойкой», придал делу нужный идеологический ракурс (прометеизм), а затем был направлен на новое задание, «не стоит удивляться решению II отдела (Генштаба) об отзыве Ежи Гедройца с поста главного редактора «Востока» после выхода первого номера. <...> Ему было поручено организовать «Великодержавную мысль» и редактировать «Бунт молодых», он не мог в то же время заниматься другим периодическим изданием в долгосрочной перспективе», — указывал Грабик.

В 1983 году молодой историк из Варшавского университета Адам Хемпель опубликовал работу «За кулисами деятельности Ежи Гедройца». В ней Хемпель указывал, что именно Гедройц стоял у основания молодежной организации «Великодержавная мысль» и журнала «Бунт молодых». Хемпель подчеркивал, что около 1929 года Гедройц стал «сотрудником 2-й экспозитур, подразделение «Восток», II отдела Генштаба».

Хемпель также подчеркивал, что «Бунт молодых» с самого начала «сотрудничал с украинскими националистами... и явными фашистами, такими как редактор еженедельника «Польский фашист» Эдуард Пиотровский». «Польский фашист» был журналом Польской фашистской партии (Stronnictwo faszystów polskich) — одной из первых откровенно фашистских группировок в Польше. Первый номер «Польского фашиста» вышел в апреле 1926 года в Варшаве, накануне майского переворота Пилсудского. На его первой странице провозглашалось: «Есть только народ, и воля его будет волей нашей. Во имя Божие — вперед. ДА ЗДРАВСТВУЕТ ФАШИЗМ». Тут же пояснялось, что группа ориентируется на опыт Муссолини.

Как отмечалось выше, группа Гедройца отрицала все эти обвинения как коммунистическую пропаганду. Однако публикации ряда документов в постсоветский период показывают, что обвинения Незбжицкого и Грабика были небезосновательными. Достоинственно известно, что «Политика» (переименованный «Бунт молодых») Гедройца финансировалась «двойкой» по крайней мере в 1939 году.

Сам Гедройц в одном из писем к своему товарищу из «Бунта молодых» Станиславу Лосю еще в 1933 году упоминает: «Я мог бы привезти с собой капитана Эдмунда Харашкевича (правая рука Шетцеля, спец по украинским делам, играет довольно большую роль в политике [украинского] меньшинства), возможно, поручика Незбжицкого из Главного штаба, также специалиста в этой области. <...> Я с ними в довольно хороших отношениях». Харашкевич, как мы помним, руководил 2-й экспозитурой, а Незбжицкий — подразделением «Восток», их шефом был глава II отдела польского Генштаба Тадеуш Шетцель.

В другом письме к Лосю в 1935 году Гедройц пишет о тесных отношениях с самим Шетцелем: «В последнее время между ним (Шетцелем. — Авт.) и «Бунтом молодых» сложились очень теплые отношения, так что он (Шетцель. — Авт.) начинает говорить... о передаче мне «Польско-украинского бюллетеня» в качестве дополнения к «Бунту молодых». Напомним, что «Польско-украинский бюллетень» — это наряду с «Востоком» главное издание Восточного института, то есть «Прометея». Редактором обоих изданий был упомянутый выше Бончковский. Оба издания курировались и финансировались 2-й экспозитурой. Харашкевич лично принимал статьи, печатавшиеся в «Польско-украинском бюллетене». Журнал, как явствует из названия, был сосредоточен на украинском вопросе. Гедройц в 1965 году писал о Бончковском: «В польско-украинских делах это наиболее близкий мне по взглядам человек». Бончковский был ведущим специалистом Восточного института, то есть, повторимся, прометеистского движения, по украинскому вопросу.

Во втором томе коллективной монографии «Контрразведка II Речи Посполитой», опубликованном в 2014 году под грифом польской спецслужбы Агентство внутренней безопасности, утверждается, что шпиона 2-й экспозитур Рышарда Врагу (Ежи Незбжицкого) в журналистский мир Варшавы ввел именно Гедройц, который, как рассказывается в монографии, «фактически использовал некоторых публицистов как руководителей разведывательных учреждений». Как видно по отношению Гедройца с Незбжицким, обратное — то есть использование разведчиков «двойки» в журналистских целях — тоже имело место.

Сам Гедройц в автобиографии признает, что после падения II Речи Посполитой работал в Бухаресте вместе с Незбжицким на II отдел польского Генштаба, в частности, участвовал в передаче Незбжицкому весьма значительной суммы денег. (Вышеупомянутый Грабик позже утверждал, что Гедройц тогда участвовал в крупной финансовой афере, а в Карпатскую бригаду ушел рядовым, чтобы избежать уголовного преследования.) В автобиографии Гедройц сообщает, что «был дружен с Незбжицким еще с довоенных времен». А также, что он прекрасно знал о том, что Незбжицкий был офицером «двойки», куда его приня-

ли в 1921 году, как утверждает Гедройц, по приказу самого Пилсудского. Гедройц пишет: «Незбжицкий занимал прометеистскую позицию, был сторонником польско-украинского сотрудничества и очень помогал Бончковскому в создании «Польско-украинского бюллетеня». То бишь того самого «Бюллетеня», статьи в котором, как мы указывали выше, принимал лично глава 2-й экспозитур Харашкевич.

При этом Гедройц в автобиографии, пытаясь опровергнуть обвинения в связях с «двойкой» в межвоенный период, высказанные, в частности, и самим Незбжицким, утверждает: «С Незбжицким «Бунт молодых» связывал общий интерес к Советскому Союзу, России и Украине».

Между тем украинская исследовательница Светлана Кравченко показывает, что «Бунт молодых» (а позже «Политика») фактически был органом прометеистского движения и идейно близким таким изданием, как «Польско-украинский бюллетень» и «Восток». Уже упоминавшийся польский историк Павел Либера уверен, что Гедройц состоял «в очень тесных контактах с прометеистскими сферами». А по убеждению специалиста по восточной политике Польши Марчина Скальского, Гедройц «созревал политически под протекцией учреждений, непосредственно отвечающих во II РП (т. е. во II Речи Посполитой. — Авт.) за реализацию прометеистского курса». Успех «Культуры» Скальский видит в том, что «оптика Гедройца вполне выражала взгляды широкого лагеря пилсудчиков, идеи которого Гедройц сохранил для современников». Историк Криштоф Григайтис, специализирующийся на исследовании польской политической мысли, отмечает, что Гедройц был очарован федеративной программой, разработанной Пилсудским для «кресов». Наконец, современный американский историк Тимоти Снайдер указывает, что «Гедройц, бюрократ и журналист в межвоенной Польше, был центральной, хотя и незамысловатой фигурой прометеизма начала 1930-х годов». Снайдер называет несколько лиц, входивших в прометеистскую группу Гедройца: Ежи Незбжицкого, Станислава Стемповского, стоявшего, как мы отмечали выше, у истоков прометеизма, его сына Ежи Стемповского — и др. Снайдер особо оговаривает, что все они были специалистами по украинскому вопросу. «После Второй мировой войны Гедройцу удалось воссоединить эту группу на страницах «Культуры», — подчеркивает Снайдер.

Мы здесь показываем наличие тесных связей Гедройца с прометеистским движением не только потому, что эти связи самим Гедройцем отрицались, но и потому, что практическая реализация его доктрины как явной разновидности прометеизма иногда расценивается исследователями в качестве случайности. Так, директор Института русско-польского сотрудничества Дмитрий Буневич в своей статье «Восточная политика» Гедройца — Мерошевского или «прометеизм 2.0?», вышедшей в 2020 году, указывает, что при III Речи Посполитой доктрина Гедройца, ставшая основой восточной политики Польши, быстро превратилась в экспансионизм по модели Пилсудского, новую форму которого автор называет «прометеизмом 2.0». «Вместо новой «восточной политики» Варшава скорее

продемонстрировала преемственность с внешнеполитическими доктринами Первой и Второй Речи Посполитой: Ягеллонской идеей и «прометеизмом» Пилсудского. Парадоксальным образом в рамках практической реализации концепции Гедройца — Мерошевского, деклариовавших отказ от идеологии «прометеизма», произошел ренессанс старых политических подходов. Они теперь не включали в себя элемент прямой экспансии польского государства, но являлись новой, осовремененной версией старой мессианской идеи — своеобразным «прометеизмом 2.0», — утверждает Буневич. Мы же постараемся показать, что доктрина Гедройца неотторжима от прометеизма и, по сути, изначально являлась таким «прометеизмом 2.0».

Доктрина Гедройца

Организованная в Париже Гедройцем группа Мезон-Лаффита разработала доктрину, которая сначала предопределила всю внешнеполитическую линию польской антисоветской эмиграции, а затем, после развала советского лагеря, и восточную политику III Речи Посполитой.

В отечественной печати эту концепцию часто называют «доктриной Гедройца — Мерошевского», а в польской — почти неизменно «доктриной Гедройца». При этом основные статьи в «Культуре», где излагалась эта концепция, подписывались Мерошевским: Гедройц предпочитал оставаться в тени. Как писал в 1965 году Грабик, разоблачавший, как упоминалось выше, деятельность Гедройца, «редакцией «Культуры» является сам Ежи Гедройц». Грабик утверждал, что все авторы «Культуры», включая Мерошевского, нужны были, чтобы «скрыть режиссера», то есть Гедройца. «Именно так Ежи Гедройц поставил свой спектакль, в котором зрители видят только марионеток и главную куклу (т. е. Мерошевского. — Авт.), но не видят, как великий режиссер держит за ниточки», — объяснял Грабик. Сегодня не вызывает никаких сомнений, что «Культура», заложившая идеологические основы государственности III Речи Посполитой, была делом именно Гедройца.

Чтобы понять преемственность доктрины Гедройца по отношению к прометеизму межвоенной Польши, для начала рассмотрим статью Адольфа Бохенского «Актуальность ягеллонской идеи», опубликованную в «Бунте молодых» в 1937 году.

Бохенский так характеризует текущее состояние ягеллонского проекта: «Поляки, выдвинувшие его, считают себя друзьями малочисленных народов Восточной Европы и думают, что доставляют им удовольствие, бормоча о Ягеллонах. В то же время, однако, эта же ягеллонская идея является для данных малых народов самым большим пугалом и символом самого агрессивного польского империализма». Бохенский призывает отказаться от термина «ягеллонская идея», обидного для народов «восточных кресов». «Забудем, наконец, о возможности ассимиляции соседних народов. <...> Давайте поймем, что ни литовцы, ни украинцы, ни белорусы не имеют ни малейшего желания стать поляками — и будем уважать их волю», — пишет Бохенский.

В этой же статье Бохенский выдвигает идею создания пояса из целого ряда государств по соседству с Польшей, столь характерную для позднейшей доктрины Гедройца: «Руководящим принципом здесь должно быть глубоко укорененное правило: «Ничего о них без них» наряду с пониманием того, что в интересах Польши создать максимальное число государственных организаций по соседству с нами». Как и позже в доктрине Гедройца, Бохенский утверждает, что суверенитет

Обложка журнала «Культура». 1974

ВОЙНА ИДЕЙ

Польша будет обеспечен наилучшим образом, если Польша поддержит суверенитеты народов «восточных кресов»: «Только путем полноценной реализации принципа: «Ничего о них без них», мы действительно сможем прийти к мирной реализации нашего главного лозунга: «Ничего о нас без нас».

Эти идеи были чрезвычайно умело адаптированы Гедройцем к послевоенным реалиям, когда СССР стал победителем во Второй мировой войне, Польша вошла в состав советского лагеря, а группа Гедройца оказалась в эмиграции фактически безо всякой надежды на восстановление анти-советской II Речи Посполитой.

Доктрина Гедройца была сформулирована на страницах «Культуры» в 1973–1974 годах прежде всего в статьях Мерошевского, важнейшей из которых является статья «Российский «польский комплекс» и регион УЛБ», опубликованная в № 9 за 1974 год. Создатели доктрины исходили из того, что прямое противостояние Польши и СССР бесперспективно. На военную поддержку западных партнеров Польша также надеяться не могла — бросив поляков во время Второй мировой войны, они подорвали доверие к себе. «Поляки... пережили шок Варшавского восстания, шок от того, что Польшу бросили ее западные союзники, шок от оккупации страны советской армией. Мы проиграли войну полностью, потому что от независимой Речи Посполитой не осталось и клочка. Рухнула наша традиционная концепция Польши как бастиона западной цивилизации. Нас предала наша собственная история, которой мы воздвигали алтари в литературе, живописи, музыке. Мы сделали открытие, страшнее которого народ сделать не может: мы открыли, что история — это черновик записок из «мертвого дома», а не живое прошлое, которое подтверждается в настоящем», — так описывал растерянность польской элиты Мерошевский.

Полякам поэтому предлагалось сосредоточиться на разжигании национального сепаратизма на территории СССР. «Мерошевский... склонялся к тезису, что Советский Союз не сохранится долго, а это означает, что он треснет по национальным швам. Такого же мнения придерживался и Ежи Гедройц», — расскажет в 2013 году историк Рафал Хабельский на страницах журнала «Новая Польша». Этот журнал называет себя идеологическим наследником журнала «Культура», основанного Ежи Гедройцем и закрытого, согласно завещанию основателя, после его смерти в 2000 году.

Ключевым понятием доктрины Гедройца становится так называемый регион УЛБ (ULB), названный по первым буквам сопредельных с Польшей советских республик: Украины, Литвы и Белоруссии. Доктрина Гедройца требовала, чтобы поляки, отказавшись от ягеллонской идеи, стремились к независимости Украины, Литвы и Белоруссии — то есть, по факту, к уничтожению СССР. Важнейшим элементом всей конструкции, безусловно, была независимость Украины.

Заметим, что само понятие «регион УЛБ» является приемом семантической войны. Оно было нужно, чтобы подменить собой понятие «восточных кресов», слишком явно адресовавшееся к ягеллонской идее.

На пути реализации доктрины Гедройца стояли серьезные препятствия.

Во-первых, необходимо было преодолеть недоверие и страх украинцев перед многовековым польским экспансионизмом, безжалостно осуществлявшимся огнем и мечом. Украинцев надлежало убедить в безобидности поляков, в полном и окончательном отказе Польши от каких бы то ни было территориальных претензий. В 1973 году в статье «Польская восточная политика» Мерошевский писал: «Первым пунктом польской восточной полити-

ки должно быть признание права на самоопределение и независимое государственное существование всех народов, угнетенных Советами». При этом народы региона УЛБ должны были увериться, что у Польши «нет претензий на Вильнюс и Львов», что поляки «не потянутся к этим городам с оружием в руках, даже если обстоятельства окажутся для них благоприятными».

Во-вторых, доктрина Гедройца должна была сплотить эмигрантские круги, предложив им взамен деструктивной ненависти к коммунистам и нереальных амбициозных планов восстановления Польши от «моря до моря», — реальную перспективу отделения от СССР региона УЛБ: «В [польской] эмиграции царит яростный антикоммунизм, плодящий лишь звериную ненависть к России», — писал Юлиуш Мерошевский. — «Этому антикоммунизму не хватает нравственного измерения, ибо он сплавлен с национальным эгоизмом и даже с жестким национализмом». Здесь под обретением «нравственного измерения» предполагался именно отказ от «жесткого национализма» в пользу идеи независимости региона УЛБ.

В-третьих, необходимо было преодолеть имперские (ягеллонские) стереотипы поляков как в эмиграции, так и в социалистической Польше — прежде всего в дисидентской среде. «Польше не нужны новые города или территории — ей нужен хотя бы минимум независимости», — заявлял Мерошевский.

Эта третья проблема была не из легких, поскольку тезис о контроле над «восточными кресами» издавна являлся центральным для польского великодержавного мифа. Полякам еще предстояло объяснить, зачем им ввязываться в борьбу с Советами, организуя подпольную деятельность национальных движений в УЛБ, если ее итогом должна была стать их независимость.

Верный идеям прометеизма, Мерошевский в вышеупомянутой статье «Польская восточная политика» провозглашал: «Мы выступаем с программой освобождения народов, поработанных Россией. <...> Задачей польской восточной политики должно быть пробуждение и усиление всех центробежных сил в Советах и сплочение общего фронта народов, подчиненных Советам». Мерошевский требовал: «Согласие и единство фронта поработанных народов является необходимым условием ликвидации... российского империализма».

Мерошевский подчеркивал, что программа «Культуры» исходит из того, что независимость Польши возможна только при условии освобождения Украины, Белоруссии и Литвы. Эта идея была глубоко внедрена в польское сознание. И сегодня любая проблематизация суверенитета стран УЛБ со стороны России фактически автоматически воспринимается как посягновение на суверенитет Польши.

«Доктрина Гедройца постулировала принципиальный разрыв с ягеллонской парадигмой, объявив ее имперской и потому недопустимой в современном мире. Однако она и не призвала вернуться к пнястовским временам. Наоборот, всё её внимание оказалось заострено на необходимости новой активной политики на Востоке, политики на новых основаниях и с новыми целями. Теперь главная цель Польши — независимость региона ULB от России. Залогом же этого считается становление полноценного польского влияния на этих территориях, что легко реанимирует при необходимости и «благородную ягеллонскую идею», от которой доктрина как бы призывает отречься», — отмечает историк и политолог Олег Неменский.

Таким образом, концепция УЛБ вовсе не предполагала отказа Польши навсегда от «кресов». Концепция эта представляет собой двусоставную конструкцию,

Юлиуш Мерошевский

в которой в качестве внешней идеологии (так сказать, политической «экзотерики») декларируется пнястовская национальная концепция, а в качестве внутренней («эзотерики») отстаивается ягеллонская имперскость, адаптированная к реалиям конца XX века.

Эту двусоставность «Культура» не слишком скрывала. Так, в упомянутой знаковой статье «Российский «польский комплекс» и регион УЛБ», опубликованной в 1974 году в «Культуре», Мерошевский для начала объясняет, что отказ от ягеллонской концепции есть единственный допустимый способ для поляков бороться с советской «империей»: «Мы не можем стоять на том, что всякая великорусская программа есть империализм, а польская восточная программа есть не империализм, а возвышенная «ягеллонская идея». Мы можем требовать от русских отказа от империализма только при условии, что мы сами откажемся раз и навсегда от нашего традиционно-исторического империализма во всех его формах и проявлениях». Однако дальше Мерошевский сразу же заявляет, что польскому империализму якобы всегда была свойственна быстрая ассимиляция других народов: «Речь Посполитая обоих народов закончилась полной колонизацией литовской знати, и самое горячее признание в любви к Литве («Отчизна милая, Литва, ты как здоровье») было написано на польском языке». «Отчизна милая, Литва...» — это вступительные строки поэмы «Пан Тадеуш», принадлежащей перу главного польского поэта Адама Мицкевича, считавшего себя уроженцем Литвы. «Поляк даже предстать себе не может подобную ситуацию. Вы можете себе представить, чтобы Словацкий писал только по-русски? (Мицкевич писал по-польски. — Авт.)» — восклицает Мерошевский.

Мерошевский прямо-таки упивается ассимиляционным потенциалом польской культуры: «Приятно говорить, что польская культура привлекательна — для многих она даже более привлекательна, чем русская». При этом Мерошевский тут же оговаривает, что этот потенциал порождает недоверие у народов «кресов»: «Но тот же факт, оцененный с литовской или украинской точки зрения, означает, что поляки — более опасные ассимиляторы, чем русские».

На основании вышесказанного Мерошевский объясняет полякам, что не надо бояться отказа от ягеллонской идеи, потому что от нее, по сути, невозможно отказаться: даже если на политическом уровне отказаться от ассимиляции, польская культура всё равно сделает свое дело и ополчит «восточные кресы», когда они станут независимыми от Москвы: «Нужна только правильная конъюнктура, чтобы поляки могли полностью развернуть

свои ассимиляторские крылья (выделено мной. — Авт.)», — заявляет Мерошевский. Вот этой-то «правильной конъюнктуры», когда не будет СССР и окажется возможным широко развернуть «ассимиляторские крылья», авторы доктрины Гедройца и предлагали добиваться. А уж будут ли эти крылья лишь культурными или в конце концов также и политическими — доктрина Гедройца умалчивала.

Пока же поляки ради такой перспективы признавали свои послевоенные границы с Украиной, Литвой и Белоруссией и начинали яростно бороться за независимость региона УЛБ от СССР. На страницах «Культуры» Советский Союз непрерывно изображается в качестве захватчика Украины, Литвы и Белоруссии. Так была нивелирована напряженность между Польшей и «восточными кресами», а Москва для «восточных кресов» становилась единственным и главным врагом.

Как указывает в наши дни вышеупомянутый историк Снайдер, «логика восточной программы «Культуры» была той же, что и у межвоенного польского «прометеизма». «В межвоенный период, — поясняет Снайдер, — это означало, что прометеевцы предпочитали политику терпимости в пограничных землях как инструмент будущего стратегического взаимопонимания. В послевоенный период это означало, что «Культура» могла уступить восточные пограничные земли с той же целью. «Прометеизм» давал надежду (на будущую оккупацию Польшей «кресов». — Авт.); «Культура» отвечала на безнадежность (перспективы такой оккупации в советский период. — Авт.)». Добавим, что, как мы видели по заявлениям Мерошевского, авторы доктрины Гедройца при этом вовсе не отказывались от надежд на будущую ассимиляцию.

Работа западных, в том числе польских, специалистов оказалась эффективной. Советский Союз начал трещать по национальным швам. Националистические организации, по большей части насажденные из-за границы, вырастали как ядовитые грибы. Литва, как и вся Прибалтика, оказалась охвачена националистическим угаром. Наконец, в Беловежье лидеры Украины, Белоруссии и России, вопреки высказанной перед тем воле их народов к сохранению СССР, «освободились» от самих себя, предав собственную многовековую историю... Кто-то может предположить, что после этого новая, ускоренно интегрирующаяся в ЕС и НАТО Польша отказалась от доктрины Гедройца. Однако это не так. Вполне адаптировавшись к новым условиям, польские идеологи продолжали идти к новым целям.

«Наиболее успешной «операцией» в рамках этой доктрины (доктрины Гедройца. — Авт.) считается «помаранчевая революция» на Украине», — пишет Неменский. И действительно, «оранжевый» (по-украински — «помаранчевый») переворот на Украине 2004 года, в результате которого к власти пришел пробандеровский президент Виктор Ющенко, был сделан точно в русле доктрины Гедройца. Украина в новом геополитическом раскладе попала в зону прямого влияния Польши.

Работа на бывших советских территориях и после этого отнюдь не прекратилась, но лишь приняла иные формы.

10 мая 2010 года премьер-министр Польши Дональд Туск заявил в интервью Gazeta Wyborcza: «Сейчас понятие, что с нашими восточными партнерами на протяжении многих лет еще будет нелегко. <...> Стоит добавить, что те общества украинцев, которые более других вожделем независимости, в целом не платят любовь к Польше. Так что по-прежнему актуальна идея Гедройца, политическое и моральное наследие кругов парижской «Культуры». Нам надо

ВОЙНА ИДЕЙ

Окончание. Начало — на стр. 1–9

Ярослав Качиньский на евромайдане. 1 декабря 2013 (фото — С. Долженко)

держат руку на пульсе Украины и России. И помочь Украине строить стабильное государство».

Таким образом, польские политики начали требовать, ссылаясь на доктрину Гедройца, уже не только независимости Украины, но и построения «стабильного государства». А что может «мешать» стабильности Украины? Ну, конечно же, в видении этих политиков, — сохранение связей с Россией.

В декабре 2013 года бывший глава польского правительства Ярослав Качиньский выступал на евромайдане. Выразив слова поддержки «оранжевой революции», свое выступление Качиньский завершил, совершенно «позабыв» о Волынской резне, в ходе которой бандеровцы жестоко уничтожали мирное польское население, бандеровским приветствием: «Слава Украине!». «Героям слава!» — ответила толпа.

Надо сказать, что еще задолго до майданов и до развала СССР Ежи Гедройц осознавал, какого «дьявола для грязной работы» они с Мерошевским хотят использовать на Украине: «На Украине это (диссидентское. — Авт.) движение всё-таки остается сильным, даже сильнее, чем в самой России. Оно охватывает не только узкие круги интеллигенции, но и глубоко укоренено в академической среде, а главное — в массах. И это не так уж красиво, потому что это движение часто приобретает нацистский характер. Практически говоря, в массах прежде всего находят отклик лозунг «резать коммунистов и русских» и тому подобные настроя».

Следом за СССР должна быть развалена и Россия. Только тогда польская элита, объединенная концепцией Гедройца — Мерошевского, сможет отбросить миролюбивую маску и предьявить скрываемое до поры стремление к господству. Инструменты для развала РФ всё те же: национальные конфликты, разжигаемые под лозунгом «резать русских».

Гедройц и не скрывал своего предвидения общеевропейского хаоса. В 1981 году он несколько иронично описал картину будущего, созданного победившей внеидеологичной молодежью: «Знаете ли, я так себе мечтаю: хорошо бы было, если б дошло до скандала. <...> До новой мировой войны. <...> Всё бы рухнуло. Всё. И можно было бы ездить от Ла-Манша до Ледовитого океана. На тачанках. Был бы неслыханный хаос. Думаю, что это будет анархистская революция. И повсюду есть для этого почва. Никакой идеологии — слово возьмет вся эта сегодняшняя молодежь, то, что у них в голове. Страшные дела будут твориться».

Доктрина Гедройца — Мерошевского не часто упоминается официальными

политиками и дипломатами по причине непрозрачности, двойственности ее сути. Однако Адам Даниэль Ротфельд, бывший министр иностранных дел при Александре Квасьневском, вспоминал: «Не думаю, чтобы в 70-е годы и даже позже Александр Квасьневский предполагал, что если он когда-нибудь станет оказывать решающее влияние на политику, то самым крупным авторитетом признает Ежи Гедройца, а его политическую мысль — дорожным указателем. Квасьневский имел мужество сказать это не только самому себе, но — как президент государства — заявил об этом публично. Стал поборником идеи УЛБ и построения новой Восточной Европы в соответствии с видением Гедройца и Мерошевского». В 1996 году Квасьневский встретился в Париже с Гедройцем лично. Как отмечал его советник Ежи Помяновский, именно эта встреча предопределила политику Квасьневского по отношению к региону УЛБ.

Доктрина Гедройца является сегодня фактически единственной актуальной основой восточной политики Польши. Все без исключения польские политические движения, обсуждая украинский вопрос, так или иначе отстраиваются от нее. Как констатировал Здзислав Найдер, один из лидеров польского диссидентского движения, советник президента Леха Валенсы, разработанная «Культурой» доктрина после 1991 года стала «канонической идейной составляющей польской внешней политики».

Неискренность польских политиков в том, что касается независимости Украины, продемонстрировал в ноябре 2014 года министр иностранных дел Польши Гжегож Схетына. «Я считаю, что любой серьезный разговор о будущем Украины или по-

иск ответа на вопрос, как положить конец конфликту, должен происходить в нашем присутствии. Обсуждать Украину без Польши — это как решать судьбу Ливии, Алжира, Туниса, Марокко, не спросивши Италии, Франции, Испании», — признался министр в интервью Gazeta Wyborcza. Но ведь если встать на такую точку зрения, то тогда надо сказать, что и о судьбе самой Польши разговаривать без России — это всё равно, что разговаривать о Царстве Польском без Российской империи.

Реабилитация бандеровцев группой Гедройца

В современной Польше далеко не все готовы идти на сотрудничество с бандеровской Украиной и забыть о резне УПА* поляков. Ряд польских исследователей отмечает недопустимость такого примирения. Они же указывают на связи Гедройца с уже упоминавшимся духовным отцом бандеровцев Дмитрием Донцовым. Одним из наиболее ярких представителей этой польской группы является историк из Ягеллонского университета в Кракове, специалист по фашистским движениям, в том числе по украинскому национализму, Богумил Гротт. Гротт с возмущением отмечает, что еще в межвоенные годы Гедройц «дошел до признания главного теоретика украинского фашистского национализма — Дмитрия Донцова».

Донцов печатался в протетеевском журнале «Польско-украинский бюллетень». А в середине 1930-х годов «Бунт молодых» опубликовал его статьи «Или Запад? Письмо украинцам о польской культуре» и «Перспективы».

Первая из этих статей, «Или Запад? Письмо украинцам о польской культуре», считается «наиболее существенной для понимания отношения Донцова к Польше». Украинский идеолог выражает в ней свое возмущение поляками. Главная причина — едва намечившееся сближение Польши с СССР. Вместе с тем Донцов отмечает, что на Западе есть те, кто способен остановить «внеуловимого российского Катона» с его «сатанинской рожей», вечно требующего «разрушить западный Карфаген». Таковыми Донцов называет последователей идей Жоржа Сореля, исповедующих «культ агрессии и силы»

* — организация, деятельность которой запрещена в РФ.

и «противостоящих разлагающим доктринам Москвы». Осведомленный читатель понимает, что Донцов говорит о фашизме. Донцов называет этот субъект «новым Западом», который «не дрожит перед лицом хаоса», «истинным Западом», «мобилизующимся» и «восстанавливающим свою агрессивность».

Собственно, польские фашисты опознавали Донцова как «своего» именно за его фашистские взгляды. Сразу же после появления книги Гитлера «Майн кампф»**, уже в 1926 году, Донцов перевел часть текстов из нее на украинский язык и издал. В течение многих лет это был единственный украинский перевод «Майн кампф»**. Как указывает историк из Ягеллонского университета Марек Войнар, Донцов на страницах издаваемого им во Львове журнала «Вестник» демонстрировал свое «не скрываемое восхищение национал-социализмом и Адольфом Гитлером». Войнар отмечает, что «Донцов смотрел на Гитлера с надеждой, радуясь, что наконец-то в Европе нашелся кто-то, решивший «поступить с большевиками по-большевистски» (выражение Донцова из его статьи 1933 года. — Авт.)».

После начала Второй мировой войны Донцов оказывается в Бухаресте. Здесь он отправляется в польское посольство, где Ежи Гедройц помогает ему получить польский паспорт. Это позволило Донцову свободно перемещаться по территории охваченной войной Европы и впоследствии избежать советского плена, эмигрировав в Канаду. Донцов и Гедройц поддерживали переписку как до, так и после Второй мировой войны.

Кстати, взгляды Донцова, особенно в послевоенный период, когда нужно было дистанцироваться от фашизма, были близки к прометеизму. Аналогично собранные бандеровцами в конце Второй мировой войны «порабощенные народы» провозгласили фактически прометеистскую программу разрушения СССР по национальным швам.

Группа «Культуры» во время холодной войны и в постсоветский период последовательно обеляла Донцова. Ее идеологи называли Донцова, например, «очень лояльным польским гражданином» и замалчивали или даже прямо отрицали фашистский характер его учения.

Наиболее показательной здесь является статья одного из представителей «Культуры» Юзефа Лободовского «Дмитро Донцов — жизнь и деятельность», опубликованная в 1981 году в еще одном издании группы Гедройца «Исторические записки». В этой статье Лободовский прославляет Донцова как гениального теоретика и бескомпромиссного борца с Москвой. Правда, Лободовский упоминает, что Донцов находился под влиянием идей итальянского фашизма. Но тут же пытается сгладить это признание таким утверждением: «Существенное влияние на мировоззрение Донцова оказали гораздо более ранние времена, когда Муссолини едва появился на свет». После чего Лободовский пытается отменить тезис о фашизме Донцова ссылкой на Ницше и Шопенгауэра: «Нет сомнения, что волюнтаризм, столь энергично пропагандируемый Донцовым, произошел одновременно от Шопенгауэра и Ницше».

Надо сказать, что группа Гедройца поставила своей задачей «отменить» Волыньскую резню. Согласно созданному этой группой мифу УПА* просто пыталась выселить поляков со своей территории, а вовсе не уничтожить их, да и вообще всё делалось по указке Москвы.

Так, Ян Лукашов писал в 1989 году на страницах «Исторических записок»: «Нужно было заставить поляков покинуть Волынь и Восточную Галицию. У нас нет оснований утверждать, что целью

** — книга внесена в список экстремистских материалов

Встреча Гедройца и президента Польши Александра Квасьневского. Париж. 1996

ВОЙНА ИДЕЙ

Демонстранты в Польше с плакатом «Помним Волюнь». 2016

этой акции (Воынской резни. — Авт.) было истребление польского населения, и, как мы увидим, ход событий на это не указывает. Освобождение Кресов от поляков должно было произойти любой ценой, всеми доступными средствами. А значит, и огнем, и железом». Что же должны «увидеть» читатели?

Лукашов конструирует миф о том, что в Воынской резне виноват СССР. «Роль Советов в этих событиях неясна», — закидывает удочку Лукашов. И далее разминает тему того, что Советам якобы «было выгодно» «удаление польского населения с Кресов». Так у читателя создается образ потаенной советской вины за геноцид поляков на Воыни. Обвинив СССР, Лукашов затем прямо реабилитирует УПА*: «Мы должны признать, что украинская «деполизация» не была акцией геноцида».

После распада СССР группа Гедройца перешла уже к откровенному восхвалению Бандеры и УПА*. В 1991 году, сразу после возникновения III Речи Посполитой, на страницах «Культуры» — на тот момент самого авторитетного политического издания в стране — один из ее постоянных авторов Анджей Винценц утверждал: «В Польше бандеровец — это оскорбление. А для украинцев это отнюдь не оскорбление». Дальше Винценц начинает воспевать Бандеру и, чтобы сделать его референтным полякам, сопоставляет его с Пилсудским: «Бандеровцы были политической группой, создатель и лидер которой всю войну с 1941 года находился в нацистском лагере и считал (как когда-то Пилсудский), что на стороне Германии можно организовать войска, чтобы освободить Украину». Подчеркнем, что в те времена никто больше в польской печати не мог позволить себе ничего подобного.

В 1993 году «Культура» с умилением приводит на своих страницах слова украинского посла Дмитрия Павличенко: «УПА* — это честь и слава Украины. УПА* сотрудничала с польским народно-освободительным подпольем, с АК». АК — это уже упоминавшаяся Армия Крайова. Армия Крайова действительно в самом конце Второй мировой войны, в 1945 году, заключила соглашения с УПА* о борьбе против СССР. Вот только гордиться тут особо нечем.

Благодаря «Культуре» украинцы получили в польской прессе широкую возможность высказаться. Так, в группу «Культуры» входил и активно печатался в ее изданиях украинец Богдан Осадчук, символ польско-украинского примирения по формуле Гедройца. В 2001 году за свою деятельность Осадчук получил высшую польскую государственную награду — орден Белого орла (до этого данную награду присудили Гедройцу, но тот от нее отказался). В своих статьях Осадчук последовательно обелял УПА*. Например, в 1997 году он писал в «Культуре»: «Посткоммунистические режимы ведут себя по отношению к националистам непоследовательно. Относясь терпимо

к их политической деятельности, эти режимы не реабилитировали Украинской повстанческой армии* (УПА*) и не приравнивали еще живых ее членов к ветеранам Красной Армии и членам коммунистического партизанского движения». Отметим, что именно современные бандеровцы называют ОУН-УПА* «движением сопротивления» и «освободительным движением». На Украине внедрением в политическую терминологию такого представления активно занимался в том числе директор Института национальной памяти необандеровец Владимир Вятрович.

В конце жизни Гедройц, до тех пор удерживавшийся от открытого прославления бандеровцев, позволил себе расставить все точки над «i» в этом вопросе. В 2000 году, за две недели до смерти, он заявил в интервью «Польскому радио», что преступления УПА* «должны быть просто забыты».

В 2008 году глава сейма Польши и ее будущий президент Бронислав Коморовский категорически возразил в духе идеологов группы Гедройца против «попыток переложить ответственность за несчастье польских Кресов на кого-либо, кроме Советов». Известный польский публицист Казимеж Вуйчицкий в 2014 году предложил сделать Романа Шухевича, лично ответственного за развязывание Воынской резни, национальным героем Польши: «Для поляков он (Шухевич. — Авт.) есть и должен быть персонажем с чертами героя, даже если он должен быть героем с горьким налетом соучастия в преступлении». А в 2016 году министр обороны Польши Антоний Мацеревич заявил: «Настоящий враг, который... использовал украинские националистические силы для этого ужасного преступления геноцида (для Воынской резни. — Авт.), — это Россия».

Вышеупомянутый польский историк Гротт подчеркивает, что терпимость к бандеровцам полякам привила именно «Культура».

Польские и украинские военнослужащие на совместных учениях. 2016

тура». Гротт задается вопросом: «Почему тень украинского национализма... должна была стать посредником между нами и пятидесятиmillionным... обществом украинского государства?...» Ситуация усугубляется тем, замечает Гротт в другой своей работе, что «Гедройцевский миф»... триумфально восторжествовал в стране (в Польше. — Авт.), почти стерев все другие интерпретации польско-украинских отношений в новейшей истории».

Еще один упоминавшийся выше польский историк Марчин Скальский также указывает, что именно группа Гедройца принесла в Польшу толерантность к преступлениям бандеровцев. Он пишет о реабилитации «Культурой» УПА*: «Целью замалчивания методов, использовавшихся украинским национализмом в прошлом, является признание легитимности его целей». Скальский классифицирует такой подход как «постгеноцидальную фазу преступления, заключающуюся в уничтожении следов убийства и его отрицании».

При этом, по мнению Скальского, именно благодаря группе Гедройца «прометейская идея проникла в III Речь Посполитую, распространившись в различные политические среды». Группа Гедройца стала «в этом отношении связующим звеном между II и III Речью Посполитой». А миф Гедройца обусловил «некритическое принятие прометейской программы современными польскими элитами».

Скальский убежден, что и в наши дни Польшей правят два мифа: миф Пилсудского и миф Гедройца. Более того, как подчеркивает Скальский, «привязанность к культуре Пилсудского и мысли Ежи Гедройца легитимизирует само существование элит III РП (III Речи Посполитой. — Авт.) и появление их представителей в этой роли». Учитывая, что Пилсудский создал профашистский режим санации, а Гедройц занимался адаптацией идей Пилсудского к современным реалиям и легализацией украинского неонацизма, — вопрос о готовности к национализму польской элиты, согласимся, не пустой. Особенно если учесть мнение самого Гедройца о том, что второй после Пилсудского авторитет для Польши — это фашист Дмовский...

Сегодня всё более активно проводится в жизнь польский проект Триморье, представляющий из себя очередную попытку объединения окружающих Россию стран в прометеистское антироссийское Междуморье. В 2015 году по предложению президента Польши Анджея Дуды и президента Хорватии Колинды Грабар-Китарович в рамках ЕС оформляется Инициатива трех морей, или Триморье — союз 12 стран Восточной и Центральной Европы. В учредительной встрече Триморья, прошедшей 25–26 августа 2016 года в Дубровнике, приняли участие представите-

Марк Бжезинский (фото: П. Сувернак)

ли Болгарии, Эстонии, Хорватии, Латвии, Литвы, Австрии, Польши, Румынии, Словакии, Словении, Чехии и Венгрии. 20 июня 2022 года к Триморью присоединилась Украина. Данный союз в том числе призван вытеснить при помощи США «Газпром» из Европы, для чего в Польше и Хорватии были построены СПГ-терминалы для американского сжиженного газа. Темой Триморья занялась специальная группа в американском Атлантическом совете*** при НАТО. В эту группу вошел один из сыновей американского идеолога развала СССР польского происхождения Збигнева Бжезинского — Ян Бжезинский, а также бывший посол США в Польше Джорджетт Мосбахер.

За проведение в жизнь проекта Триморье, а также за «свободу Украины и Белоруссии» борется и второй сын Збигнева Бжезинского — Марк, назначенный в январе 2022 года послом США в Польше. Еще будучи кандидатом на этот пост, в своем выступлении 1 декабря 2021 года перед комитетом сената США по международным отношениям Марк Бжезинский сообщил, на что он намерен направить свои усилия: «Я буду углублять и расширять партнерство между Польшей и Соединенными Штатами, чтобы стимулировать экономический рост в регионе, в том числе благодаря Инициативе трех морей. Если мое избрание подтвердят, я буду работать с Польшей, чтобы поддержать правительство и народ мирной и целостной Украины, а также стремления белорусского народа к демократической Беларуси (выделено мной. — Авт.)». Налицо, как мы видим, намерение и проводить в жизнь проект Триморье, и углублять проект УАБ по линии Украины — Белоруссии...

После начала российской спецоперации на Украине Польша выступает агрессивно антироссийски, ее политики соперничают по степени антирусскости высказываний разве что с англичанами. А бывший заместитель министра обороны Польши Ромуальд Шереметьев 12 мая 2022 года в интервью еженедельнику Do Rzeczy уже призвал НАТО «демилитаризовать» Калининградскую область.

Если современная Польша продолжит двигаться прометеистским курсом, проводя политику оголтелой антирусскости, милитаризма и лояльности к украинскому фашизму, этот курс неизбежно столкнет два славянских народа к удовольствию западных стран, как это сегодня уже происходит на Украине. Забыть преступления УПА* и реальную историю своей страны, сочинив историю альтернативную, можно, но только на этом пути Польша рискует превратиться из выдуманной фигуры «Христа народов» в их Иуду.

*** — организация, признанная нежелательной в РФ.

ВОЙНА ИДЕЙ

Давняя мечта немецких политиков — иметь Украину в качестве своей колонии, используя ее не только как сырьевой придаток, но и как важнейший форпост на востоке Европы в борьбе против России — очевидным образом передана сегодня совокупному западному миру

Рустам Валиев

Украина в мироустроительных планах Германии

Рейхскомиссар Украины, гауляйтер Восточной Пруссии Эрих Кох. Август 1944

21 ноября 2013 года в Киеве начались массовые протесты, поводом для которых послужило решение правительства Виктора Януковича приостановить подписание Соглашения об ассоциации между Украиной и Европейским союзом.

Протесты переросли в многомесячную акцию, с подачи местных и иностранных СМИ получившую название «евромайдан». Евромайдан же, как мы знаем, в свою очередь, перерос в антиконституционный мятеж, отпадение от Украины Крыма, войну в Донбассе. При этом ускоренная национализация превратила Украину в агрессивного, опасного и непредсказуемого соседа.

Нас в данном случае интересует участие во всем этом одного из главных европейских опекунов Украины — Германии.

Уже 4 декабря 2013 года евромайдан посетил министр иностранных дел Германии Гидо Вестервелле. После этого визита на сайте МИД Германии появилось его заявление: «Нам не безразлична судьба Украины... Эти уличные демонстрации показывают, что сердце народа Украины бьется для Европейского союза».

Германия вскоре пообещала предоставить Киеву финансовую помощь. 17 февраля 2014 года в Берлине состоялась встреча майданных лидеров Арсения Яценюка и Виталия Кличко с канцлером Германии Ангелой Меркель. Сразу после этой встречи Яценюк сообщил журналистам, что на Украине будет формироваться новое правительство, которое «получит помощь от наших западных партнеров для того, чтобы стабилизировать финансовую ситуацию в стране». Кроме Германии, политическую и финансовую помощь Киеву

оказали и другие страны Запада, а США быстро изъявили готовность оказать военно-техническую поддержку.

Почему Запад так настойчиво стремился помочь майдану на Украине? Одна из главных причин заключается в том, что Украина рассматривается западными стратегами как буфер между Россией и Европой. Как страна, способная стать частью «санитарной зоны». Так, Джордж Фридман, глава частного американского разведывательно-аналитического агентства Stratfor, заявил 19 декабря 2014 года в интервью газете «Коммерсант»: «США нужно будет принять стратегическое решение, не сейчас, но в будущем: либо более активно вмешаться в события на Украине, что чревато сложностями, либо выстроить новый альянс — внутри НАТО или вне НАТО — с участием Польши, Румынии, стран Балтии и,

например, Турции. Это уже происходит, медленно, но происходит. И это будет то, чего Россия не приемлет: «санитарный кордон». США не то чтобы нужно самим контролировать Украину, им важно, чтобы ее не контролировала Россия».

Украину не впервые рассматривают как буфер, а также как возможный плацдарм для наступления на Россию. Причем в последнее столетие наибольшую активность в этом вопросе проявляла именно Германия.

Германия конца XIX — начала XX века и Украина

Достаточно вспомнить положение, сложившееся к концу XIX века. В то время в немецком обществе сформировались две ведущие политические группы.

Представители первой группы стремились продолжать политику Бисмарка и рассматривали Россию как партнера, с которым лучше не затевать войну.

Представители же второй группы рассматривали Россию как противника и были едины во мнении, что Германия должна расширять свою территорию за счет присоединения русских земель. При этом расхождение внутри антироссийской группы касались лишь того, какие именно территории России надо присоединить и как должно быть организовано их политическое управление.

Ядро наиболее агрессивно настроенной части антироссийской группы сформировали представители Пангерманского союза — движения, созданного в 1891 году с целью защиты немецких колониальных интересов. Непосредственным поводом к основанию движения стало заключение годом ранее англо-германского договора о разграничении сфер влияния в Восточной и Юго-Западной Африке. Представители Пангерманского союза критиковали правительство Бисмарка за недопустимые, по их мнению, уступки, сделанные в пользу Великобритании при разделе сфер влияния в Африке, требовали мирового господства Германии и вынашивали планы разгрома России и завоевания русских земель вплоть до Урала. Украина выделась на как плацдарм для броска на восток, а националистические украинские движения — как инструмент дестабилизации России. В тот период ни о каком появлении независимого, хоть и марионеточного, правительства Украины речи не шло. Речь шла о прямой оккупации территории Украины. Позже многие члены союза связали свою политическую судьбу с фашистским движением.

Ядро менее агрессивно настроенной части антироссийской группы состояло прежде всего из представителей немецкого МИД и окружения кайзера. Эта группа выступала за расчленение России и создание на ее территории независимых государств. Украина рассматривалась членами этой группы как «санитарный кордон», призванный противостоять экспансии России на Запад. Популяризаторами этих идей были публицисты Пауль Рорбах и Аксель Шмидт. Этим фигурам стоит уделить отдельное внимание.

Пауль Рорбах — известный немецкий публицист первой трети XX века. Он автор более 2500 работ, посвященных в основном вопросам развития Германии. В своих публикациях Рорбах развивал мысль о превосходстве германской культуры над остальными культурами и ее важности в особом предназначении Германии. Именно Рорбах сформулировал идею создания на западных территориях России государств, независимых де-юре и полностью подконтрольных Берлину.

Поражение России в русско-японской войне 1904–1905 годов Рорбах считал доказательством слабости России. Накануне Первой мировой войны он являлся одним из ведущих экспертов по русскому вопросу и в этой роли консультировал армию и МИД Германии. Начиная с 1918 года Рорбах активно пропагандировал идею независимости Украины. В частности, он

Евромайдан

ВОЙНА ИДЕЙ

настаивал на том, что вопрос о положении украинского народа не может быть предметом внутренней политики России, а является международным вопросом.

Аксель Шмидт — близкий друг и соратник Рорбаха — в разные годы был редактором журналов «Германская политика», «Украина» и «Германская мысль». Совместно с Рорбахом он создал в 1918 году в Берлине Германско-украинское общество (это общество и издавало в 1918–1926 годах ежемесячник «Украина» на немецком языке; само общество просуществовало до 1945 года). Шмидт считался одним из экспертов по национальному вопросу в России и консультировал германское правительство в период антирусской пропагандистской кампании. Являлся ярким сторонником германского имперского экспансионизма.

9 сентября 1914 года рейхсканцлер Теобальд фон Бетман-Гольвег написал записку министру внутренних дел Германии Клеменсу фон Дельбрюку, в которой сформулировал основные цели Германии. Проект Бетман-Гольвега (называемый также «Сентябрьской программой») отражал требования, выдвигавшиеся немецкой промышленно-финансовой и военно-политической элитой. Частью «общей цели войны» в нем называлось «оттеснить Россию по возможности от германской границы и сломить ее господство над нерусскими вассальными народами». После войны предлагалось создать «Центрально-европейскую экономическую ассоциацию», которая объединила бы Германию, Францию, Бельгию, Голландию, Данию, Австро-Венгрию, Польшу и, возможно, Италию, Швецию и Норвегию. Ассоциация эта должна была утвердить экономическую гегемонию Германии в Центральной Европе.

Надо сказать, что попытки Германии «сломить господство России над вассальными народами» начались задолго до войны.

Так, варшавская газета Słowo в 1912 году сообщала о финансировании германским посольством в Вене журнала Ukrainische-Rundschau, ведущего активную антирусскую пропаганду: «Газете известно, что между германским посольством в Вене и русинской (rusinska) агентурой там же, издающей журнал «Ukrainische-Rundschau», существует связь не только духовная, но и материальная, иными словами, финансовая; посредствующим звеном служит не сам посол, а советник посольства Дитрих фон Бетман-Гольвег, двоюродный брат канцлера».

О германском консульстве во Львове Słowo писало, что оно «занимается преимущественно украинскими делами в России». «На украинские дела в Австрии Берлин, помимо непосредственных сношений со своими украинскими

клеветрами, влияет путем дипломатического давления на австрийское правительство...» — добавляла газета.

Кроме того, Германия уделяла явное внимание возвращаемому Австро-Венгрии в Галиции и Буковине националистическому движению. Политика Габсбургов там вполне отвечала немецким интересам. Австрийцы закрывали русские училища и пансионы, православные храмы и часовни, запрещали православные богослужения. Украинские же националистические движения и организации получали политическую и финансовую поддержку. При этом лидеры украинских националистов всячески подчеркивали лояльность австрийскому и немецкому правительствам, хотя такая лояльность явно ставила под вопрос их восклицания о самостоятельности Украины.

Один из этих украинских националистов, Дмитрий Донцов, на прошедшем во Львове в 1913 году II Всеукраинском студенческом съезде призвал украинцев Галиции выступить в готовящейся войне против России на стороне Австрии и Германии: «Интерес нашей нации связан не с Россией, а только с Тройственным союзом». «Если бы мы теперь в той великой буре, грохот которой уже ловит наше ухо, не бросили все наши силы... на сторону противников России, — это было бы преступлением перед нашей нацией и ее будущим», — утверждал он. Донцов указывал, что активизация украинцев поможет противникам России: «Национальный кавардак — который будет внесен в Россию украинским вопросом — должен уменьшить силу размаха рос. (русской) экспансии». Цели украинского движения в австрийской Галиции он откровенно формулировал как «уничтожение или ослабление царизма, поддержание сепаратистских настроений на Украине». Донцов подчеркивал: «Всякое поражение России, всякое отрывание хоть куска украинской территории в пользу Австрии приведет к консолидации, к укреплению украинского элемента в Австрии, а его ipso (лат. «а вследствие этого»). — Авт.) и в России, и приблизит время окончательного освобождения нашего края».

По воспоминаниям будущего капеллана дивизии СС «Галичина»^{*} Исидора Нагаевского, лидеры украинских политических организаций в конце июля 1914 года провели в Вене секретное совещание, на котором присутствовал и митрополит Украинской грекокатолической церкви Андрей Шептицкий. Участники совещания попросили митрополита «подготовить и переслать австрийскому и немецкому правительствам указания для их будущей политики на Украине в случае распада Москвы».

Аналогия с современной ситуацией очевидна. Отметим, что лидеры евромайдана 2014 года не скрывали, что их идеологические корни восходят именно к Донцову и Шептицкому. Арсений Яценюк (который в 2014–2016 годах будет занимать пост премьер-министра Украины) еще в 2010 году в своей статье восхвалял труды Шептицкого и говорил о государственном строительстве по его лекалам: «Не случайно Митрополит выбирает моделью государства Хату, — писал Яценюк о книге Шептицкого «Как строить родную хату», — которую можно строить только по предварительно хорошо продуманному проекту и «вооруженным достаточными знаниями».

Евромайдан в Киеве готовился при активной поддержке западных неправительственных организаций. Глава американского разведывательно-аналитического агентства Stratfor Джордж Фридман в июне 2014 года вполне резонно замечал: «Для них (для Москвы. — Авт.) запад-

ные заявления о народном восстании на Украине опровергаются финансируемыми Западом неправительственными организациями, имевшими решающее значение в поддержке движения по свержению правительства».

Возвращаясь к событиям начала XX века, укажем, что украинские националисты открыто приветствовали развязывание Первой мировой войны, надеясь на то, что в этой войне победят Германия и Австро-Венгрия. Во Львове представители Украинской национально-демократической, Украинской радикальной и Украинской социал-демократической партий сформировали в начале августа 1914 года Главную украинскую раду (Главную украинскую раду), возглавленную видным львовским украинофилом Костем Левицким. Руководство этой рады находилось в тесных связях с Союзом освобождения Украины, созданным украинствующими эмигрантами из России. Союз этот первоначально возглавил Донцов, но вскоре он вышел из него и уехал в Германию.

После того как в России в результате Февральской революции была свергнута монархия, политические партии и общественные движения Украины решили взять власть в свои руки и создали в Киеве Центральную раду. Ее председателем стал идеолог украинства Михаил Грушевский.

После Октябрьской революции Центральная рада объявила о создании Украинской народной республики (УНР) — федеративного образования в составе России. 22 января 1918 года УНР была объявлена независимым государством. А 9 февраля в Брест-Литовске делегация Центральной рады подписала сепаратный мирный договор с представителями Центральных держав — Германией, Австро-Венгрией, Турцией и Болгарией.

Центральные державы признали суверенитет УНР и взяли на себя обязательство оказывать ей военную поддержку. В обмен на это украинское правительство обязалось поставлять им продовольствие и сырье. Уже в марте 1918 года в Киев по просьбе представителей УНР вступают немецкие войска.

Сейчас, спустя более чем столетие, сложилась похожая ситуация.

В 2016 году Украина подписала Соглашение об ассоциации с Евросоюзом. Эксперты предупреждали о катастрофических последствиях этого договора для украинской экономики еще в 2013 году, когда в Киеве только начинались беспорядки. А в 2021 году комитет Верховной рады по вопросам экономического развития направил правительству рекомендацию о пересмотре условий Соглашения об ассоциации, так как его экономическая часть невыгодна для страны.

В настоящий же момент западные страны, поспособствовав разжиганию российско-украинского конфликта, активно поставляют на Украину военную технику, стремясь к полному подчинению себе этого региона.

К чему привела военная поддержка Украины западными «союзниками» в годы Гражданской войны?

Переписка послов и военных представителей Германии и Австро-Венгрии на Украине позволяет составить представление о динамике событий. Эта переписка была опубликована в 1936 году советским государственным издательством.

Из содержащихся в этой переписке документов очевидно, что независимость Украины к тому моменту стала совершенно номинальной. «Главная цель нашей оккупации, — инструктировал германский МИД 26 марта 1918 года своего посла в Киеве, — обеспечение хлебного экспорта с Украины в страны Центральной Европы <...> Необходимо постоянно указывать правительству Рады, что мы выполнили ее просьбу об укреплении ее положения, но, с другой стороны, мы вынуждены требовать, чтобы были приняты все меры к обеспечению вывоза хлеба».

Сегодня самым востребованным украинским товаром является по-прежнему зерно. О том, как западные страны в 2022 году в военных условиях добились вывоза с Украины зерна, мы еще скажем ниже.

В начале XX века новая власть на Украине не смогла своими силами обеспечить необходимый объем экспорта зерна в Европу. В 1918 году в уже упоминавшейся телеграмме МИД Германии так наставлял своего посла: «Мы далеки от мысли о вмешательстве во внутренние дела Украины, однако вынуждены следить за тем, чтобы обработка полей производилась в полном объеме, даже если для этого и придется пожертвовать теми или иными принципами».

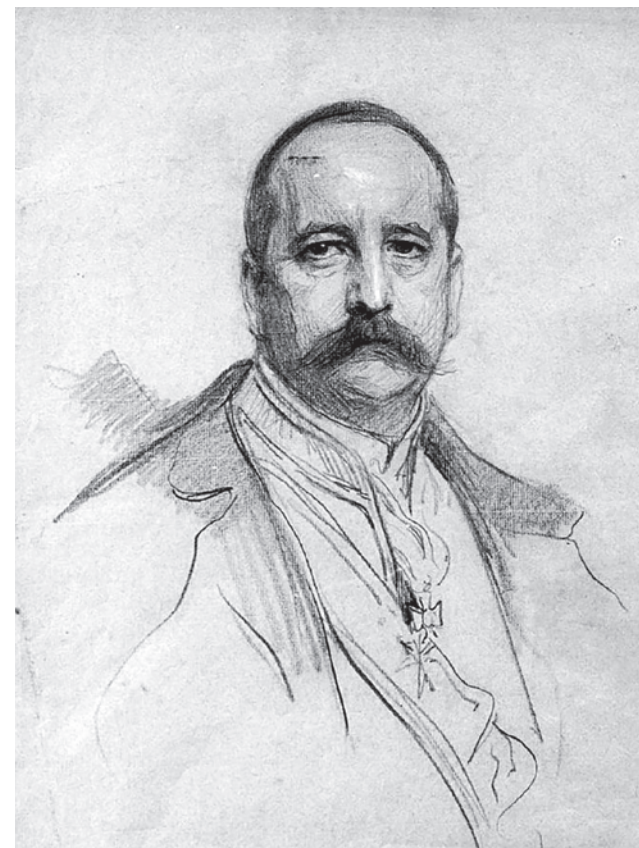
Вскоре ситуация усугубилась настолько, что немецкие военные предложили взять ее под свой непосредственный контроль. Начальник штаба группы армий «Киев» генерал Вильгельм Гренер в своем письме от 31 марта 1918 года к немецкому послу в Киеве Филиппу Альфонсу Мумму фон Шварценштейну указывал: «Судя по впечатлениям, которые создались у наших командиров... несмотря на то, что правительство и проводит желательные нам мероприятия, на селе никто не думает о выполнении его распоряжений». И предлагал: «В районах, где имеется достаточное количество наших оккупационных войск, попытаться в ближайшее время связать наших комиссионеров непосредственно с производителями через местных торговцев».

Сходные предложения 3 апреля 1918 года получил в зашифрованной телеграмме посол Австро-Венгрии в Киеве граф Иоганн Форгач: «Фельдмаршал-лейтенант Лангер сообщает, что он твердо уверен в возможности получения с Украины значительного количества продуктов питания при условии: 1) если бы украин-

Продолжение на стр. 14

Теобальд фон Бетман-Гольвег

Филипп Альфонс Мумм фон Шварценштейн

* — организация, деятельность которой запрещена в РФ

ВОЙНА ИДЕЙ

Продолжение. Начало — на стр. 12–13

Генерал-фельдмаршал Герман фон Эйхгорн в Киеве. 1918

ское правительство было заменено другим, которое не оказывало бы пассивного сопротивления, 2) достаточное количество войск прибыло бы в страну, 3) была бы проявлена достаточная энергия и беспощадность при добычании продуктов». Представитель МИД обещает, что «от четырех до пяти дивизий должно прибыть на Украину», так как «Австрия не в состоянии продержаться до нового урожая; если до нового урожая не прибьдут по меньшей мере пятьдесят тысяч вагонов, которые, по словам фельдмаршал-лейтенанта Лангера, можно заполнить, то катастрофа окажется неизбежной».

5 апреля МИД Германии пересылает Мумму отчет немецкого военного уполномоченного в Киеве, в котором говорится: «Украинское правительство в свое время было подходящим инструментом для заключения мира, но в настоящий момент его власть не простирается дальше власти наших штыков. Правительство боится вообще вывозить хлеб из страны, не говоря уже о количестве, обусловленном мирным договором. <...> С этим правительством можно будет работать только в том случае, если заставить его действовать и организовывать так, как мы прикажем».

К этому моменту положение Германии в войне уже становилось очень тяжелым. Широкомасштабное весеннее наступление на западном фронте требовало огромных ресурсов и не позволяло отвлекать силы, необходимые для контроля над Украиной.

В тот же день, 5 апреля, Мумм просит МИД Германии командировать в Киев Пауля Рорбаха, чтобы попробовать иные методы: «Мне представляется, что косвенное влияние известного друга украинской идеи Рорбаха было бы более полезным, чем прямое воздействие через посольство или военных, которое будет воспринято как насилие».

Между тем применения военной силы начали требовать уже украинские помещики. Крестьяне, получившие от Центральной рады в свое распоряжение землю, не хотели отдавать ее прежним хозяевам. Помещики же убеждали германское и австро-венгерское правительства, что крестьяне, захватив помещичьи земли, не смогут их обработать, что урожай пропадет и что это повлечет за собой голод и беспорядки. Польский граф Грохольский, обращаясь к австро-венгерскому представителю в Варшаве Габору Угрону с просьбой о срочной помощи, излагал свои соображения, которые тот передавал в МИД: «Порядок мог бы легко быть восстановлен, если бы в каждом уезде действовало примерно 1000 солдат сомкнутыми колоннами

(с пулеметами). Так как на правобережье Днепра 36 уездов, то для этого достаточно было бы 36 тысяч человек».

Использование украинской земли как житницы и плацдарма для дальнейшего наступления на Россию осуществлялось западными странами на протяжении веков. И в 2022 году, когда после восьми лет бомбежек мирных городов и поселков Донбасса киевскими неонацистами, поощряемыми Западом, Россия вынуждена была начать спецоперацию, страны НАТО не остались в стороне. Правда, вводить на Украину регулярные войска, как во время двух предыдущих мировых войн, они не решились, но зато обеспечили мощный поток военной техники, а также добровольцев (под видом которых на Украине зачастую оказывались бойцы регулярных подразделений той или иной западной страны). В марте 2022 года правительство Германии, столь долго убеждавшей всех в своем миролюбии, заявило, что не будет препятствовать желанию немецких граждан воевать на Украине, а в январе 2023 года Германия согласилась поставлять на украинские поля танки «Леопард» — «потомков» воевавших там во Вторую мировую «Тигров» и «Пантер». Отличие от XX века лишь в том, что западные страны пока что опасаются полномасштабной войны с Россией и действуют руками своих киевских ставленников.

В 1918 году таких сдерживающих факторов не существовало. Германия прямо оккупировала Украину, однако захлебывалась, как уже говорилось, на фронтах Первой мировой войны. Проблему поставок украинского хлеба надо было как-то решать. И 18 апреля 1918 года Мумм согласовывает со своим начальством план смены украинского правительства: «Поводом для смены правительства может пока послужить намеченная на 15 апреля старого стиля крестьянская демонстрация против аграрной политики правительства». Перед сменой правительства УНР немцы решили возложить на него ответственность за подписание нового, еще более грабительского для Украины, договора о поставке в Германию хлеба и продуктов. Договор этот был подписан 23 апреля 1918 года.

В ночь с 24 на 25 апреля в Киеве был похищен банкир Абрам Добрый, через банк которого проходили финансовые операции оккупационных войск с Рейхсбанком. Это событие произвело эффект спускового крючка.

25 апреля командующий немецкими войсками на Украине генерал-фельдмаршал Эйхгорн издает приказ о военно-полевых судах. Согласно данному приказу, на территории Украины действия, нару-

шающие общественный порядок, уголовные преступления и преступления против германских и союзных войск «подлежали исключительному особому германскому полевому суду».

Заказчиками похищения банкира германское командование объявило украинского министра внутренних дел Михаила Ткаченко, военного министра Александра Жуковского и премьер-министра Всеволода Голубовича. 28 апреля немцы разгоняют Центральную раду и публикуют приказ о создании военно-полевых судов. А 29 апреля гетманом Украины провозглашается Павел Скоропадский.

Чуть позже Мумм укажет, что «за спиной нового правительства стоит... единственная авторитетная в настоящее время в стране власть — германское верховное командование». О похищении же банкира как предлоге к началу переворота Мумм напишет, что «непосредственный повод этих событий был довольно незначительный».

В штабе Эйхгорна личность гетмана Скоропадского оценивалась положительно. Как отмечалось, гетман «ясно отдает себе отчет, что восстановить нормальный уровень экономики страны можно только при условии полной ориентации на Германию». Об украинских же властях говорилось, что «германским войскам будет нетрудно поддерживать порядок и спокойствие, если мы, наконец, откажемся от фикции дружественной страны (здесь и далее выделено мной. — Авт.)... в которой мы должны просить разрешения на свои действия у бестолковых или неопытных украинских комиссаров и комендантов. <...> Форсировать хлебные поставки можно будет только путем устранения беспокойных элементов в деревне».

Заместитель главы МИД Германии барон фон Буше попросит у Мумма более точного разъяснения смысла фразы: «Необходимо отказаться от политики, которая сводится лишь к фикции дружественной страны». «Значит ли это, — интересуется барон, — что мы должны относиться к Украине не как к государству, находящемуся с нами в мирных отношениях, а только как к оккупированной области?»

Мумм в ответ разъясняет, что в отношениях Германии и Украины надо поддерживать «фикцию самостоятельного дружественного нам государства». И добавляет, что это нужно, чтобы избежать критики со стороны международной общественности и негативной реакции населения Украины.

22 мая 1918 года Эйхгорн издает приказ, в котором перечисляет принятые гетманом Скоропадским условия, необходимые для поддержки Германией его

правительства. Среди них — обязательство выполнять брестские договоренности и обязательство ввести на территории Украины германские полевые суды.

Правительство Скоропадского восстановило в правах крупных землевладельцев. Мелкие и безземельные крестьяне, уже успевшие получить землю, начали сопротивляться отъему земли в пользу помещиков. Власти жестко подавляли вспыхивавшие бунты, но украинских войск для этого уже не хватало. В июне 1918 года правительство Скоропадского запрашивает иностранную поддержку. 21 июня украинский министр иностранных дел Дмитрий Дорошенко в письме к немецкому послу в Киеве пишет, что «германские войска представлены только в отдельных районах», и просит, чтобы они «были распределены по всем округам для помощи украинским учреждениям».

Тем временем на фронтах Первой мировой войны дело шло к поражению Германии. Военная помощь украинским властям со стороны немцев была уже невозможна.

11 ноября немецкая делегация во главе с генерал-майором Детлофом фон Винтерфельдтом подписала в железнодорожном вагоне французского маршала Фердинанда Фоша Компьенский договор о капитуляции, признав свое поражение в Первой мировой войне.

Гетман Скоропадский 14 декабря 1918 года подписал отречение и бежал в Германию. В апреле 1945 года он будет тяжело ранен во время бомбардировки союзников и скончается в больнице баварского города Меттен.

Версальский мирный договор 1919 года, завершивший Первую мировую войну, поставил Германию в тяжелейшее положение. Согласно договору, Германия было запрещено иметь большую армию с собственным генеральным штабом, подводный флот, военные самолеты, танки. Кроме того, она лишалась колоний и должна была выплачивать победителям огромные репарации.

В таких условиях наиболее подходящим торговым партнером для Германии оказывалась Советская Россия, которая в тот момент находилась в политической и экономической изоляции. Страна взяла курс на форсированную индустриализацию, имела запасы сырья, полезных ископаемых, была в состоянии экспортировать продовольствие. В то же время Советы испытывали острый дефицит в новых технологиях, станках и высококвалифицированных специалистах — чем, в свою очередь, обладала Германия.

Несмотря на очевидные преимущества для обеих сторон, немецкая элита не имела единой твердой позиции по вопросу сотрудничества с молодым советским государством. Еще до подписания Версальского мирного договора референт

Гетман Скоропадский встречается с начальником Генерального штаба Германии Паулем фон Гинденбургом. Спа. 1918

ВОЙНА ИДЕЙ

Германский император Вильгельм II (слева) и гетман Скоропадский на встрече в Ставке германского Верховного командования в Спа. Август 1918

по восточным вопросам немецкого МИД Рудольф Набольный так сформулировал выбор, определяющий дальнейший путь Германии:

или «объединиться с Антантой для совместного выступления против большевизма»,

или «договориться с большевиками и таким способом оказать давление на Антанту для достижения дешевого мира».

Всё же часть военной элиты и крупных промышленников, чьи интересы были ущемлены условиями Версальского договора, настояла на сотрудничестве с советским государством.

Советский Союз, договорившись с Германией о модернизации некоторых советских оборонных предприятий, получил возможность создавать и испытывать новейшие разработки, обучать военных и гражданских специалистов, работать с произведенными по немецким технологиям новейшими образцами техники. Взамен Германия получала сырье, возможность выполнять для СССР оборонные заказы и совершенствовать свои технологии.

Нацисты и Украина

Часть немецкой элиты по-прежнему занимала резко милитаристскую позицию. Эти взгляды разделяли генерал Эрих Лю-

дендорф и полковник Макс Хоффман, банкир Ялар Шахт, промышленники Фриц Тиссен, Альберт Феглер, Карл Дуйсберг и Арнольд Рехберг, медиамагнат Альфред Гугенберг, вышеупомянутый публицист Пауль Рорбах и др. Всё более мощным центром притяжения сторонников этих взглядов становилась Национал-социалистическая немецкая рабочая партия (НСДАП). Созданная в 1919 году как Немецкая рабочая партия представителями Пангерманского союза и переименованная в НСДАП в 1920 году, она заявила откровенно националистическую программу. Имперская риторика и требование пересмотра Версальского договора делали эту партию привлекательной как для грезивших о германском всемогуществе идеологов и военных, так и для промышленников и финансистов.

1 сентября 1939 года Германия начала Вторую мировую войну с нападения на Польшу и оккупации ее территории. К 1941 году Германия, одержав ряд легких побед, подчинила себе практически всю Европу и была готова к походу на восток.

2 апреля 1941 года глава Управления внешней политики НСДАП Альфред Розенберг представил фюреру Германии Адольфу Гитлеру докладную записку. В этом документе Розенберг предложил разделить территорию Советского Союза на 7 регионов. Россия в его концепции представлялась в виде исторического русского центра (Москвы) и присоединенных ею в течение столетий отдельных регионов, на которых проживало население, отличное от русского в этнокультурном отношении.

Об Украине в этой записке Розенберг писал следующее: «*Политической задачей на этой территории может стать содействие росту национальной самобытности, возможно, вплоть до создания суверенного государства* (выделено мной. — Авт.), *которое могло бы либо самостоятельно, либо во взаимодействии с Доном и Кавказом в форме Черноморского союза осуществлять постоянное сдерживание Москвы и гарантировать безопасность с востока для большого немецкого жизненного пространства*».

Однако фюрер рассматривал советские территории как источник ресурсов и был против возникновения на Украине независимой власти.

Тогда через пять дней Розенберг подал Гитлеру еще одну докладную записку, в которой использовал более обтекаемую формулировку: украинское государство, «*которое будет находиться в тесном, неразрывном союзе с Германским рейхом*». (Отметим, что после развала СССР Украину начали отстраивать в соответствии именно с этой формулировкой. Постсоветская Украина последовательно превращалась в фактическое государство-лимитроф, несобственное существовать самостоятельно...)

В своей второй докладной записке Розенберг также писал: «*После краха 1918 года украинское руководство сделало Верховному командованию вермахта предложение не возвращать войска домой, а принять украинское гражданство и задействовать немецких солдат на Украине против Москвы и большевизма. Для столь масштабных планов на тот момент не хватило политической решимости*». Спустя почти двадцать лет

Германия обладала уже достаточной «политической решимостью» для возобновления похода на восток.

Более жесткий вариант освоения Украины разработал по поручению рейхсфюрера Генриха Гимmlера в рамках «Генерального плана Ост» Конрад Мейер-Хетлинг, начальник планового отдела Главного штабного управления имперского комиссара по вопросам консолидации германского народа (должность имперского комиссара занимал Гимmlер). В плане Мейера речь шла о создании немецких поселенческих марок на территории Крыма и южной Украины, а также об «немечивании» оккупированных территорий и переселении коренных жителей в другие районы.

Добавим, что после бандеровского переворота 2014 года киевский режим действовал на юго-востоке в духе нацистского «плана Ост». Методом очищения территории от «ненужного» населения стали артобстрелы, применяемые и для убийства мирных жителей, и для так называемого сгона с земель — когда оставшиеся в живых, но напуганные артобстрелами граждане начинают уходить с территории своего проживания. Уже в начале так называемой АТО, 14 июля 2014 года, руководитель Федеральной миграционной службы России Константин Ромодановский заявил: «*С начала конфликта на Украине около 130 тысяч украинских граждан обратились к российским властям с просьбой предоставить им возможность длительного пребывания в Российской Федерации*». А к июню 2021 года, по словам председателя парламента Крыма Владимира Константинова, уже более 1,7 миллиона граждан Украины обратились в Россию за получением гражданства или статуса беженца.

Но вернемся ко временам Второй мировой войны. После нападения на СССР стало очевидно, что Гитлер рассматривает Украину как житницу, а ее население — как рабов, призванных обеспечивать немцев зерном.

Суть политики Германии по отношению к украинцам ярко изложил рейхслайтер Мартин Борман 23 июля 1942 года в своем письме к Розенбергу: «*Мы должны принять необходимые меры против размножения немецкого населения... Ни в коем случае не следует вводить немецкое [медицинское] обслуживание для местного населения оккупированных вос-*

Карта-реконструкция «Генерального плана Ост» Конрада Мейера-Хетлинга в версии, отправленной Гимmlеру в июне 1942 года (Авт.: К. Х. Рот и К. Карстенс)

точных областей. Например, ни при каких условиях не должны производиться прививки и другие оздоровительные мероприятия для немечского населения... Ни в коем случае не следует давать местному населению более высокое образование. Если мы совершим эту оплошность, мы сами породим в будущем сопротивление против нас. Поэтому, по мнению фюрера, вполне достаточно обучать местное население, в том числе так называемых украинцев, только чтению и письму».

Весьма внятно высказался и рейхско-миссар Украины Эрих Кох на совещании, состоявшемся 26–28 августа 1942 года в Ровно: «*Свободной Украины нет. Цель нашей работы — заставить украинцев работать на Германию, а не осчастливить этот народ. Украина должна поставлять то, чего нет в Германии. Эту работу нужно проводить, не считаясь с потерями. <...> Недостаточное количество зерна должно быть восполнено за счет Украины. <...> Фюрер потребовал от Украины 3 миллиона тонн зерна для рейха, и они должны быть поставлены. Жалобы на недостаток транспортных средств он не желает слушать*».

Чтобы обосновать исторические притязания Германии на Крым, была использована история средневекового крымского княжества Феодоро. Большую часть насе-

Окончание на стр. 16

«Украина и будущее Германии». Обложка журнала периода Веймарской республики. 1924

Рейхскомиссариат Украина

ВОЙНА ИДЕЙ

Окончание. Начало — на стр. 12–15

Концерна Круппа присваивает советский машиностроительный завод

ления этого княжества составляли греки и крымские готы (группа германского племени готов, откочевавшая во время Великого переселения народов в районы Северного Причерноморья, а оттуда — в Крым). В июле 1942 года в Крым была отправлена специальная археологическая экспедиция. Ее организатором выступил генеральный комиссар округа «Таврия» Альфред Фрауэнфельд, непосредственным руководи-

телем был назначен фюрер СС и полиции «Таврии» Людольф фон Альвенслебен, археологом — Вернер Баумельбург. В ходе экспедиции были обследованы руины крепости Мангуп — столицы княжества, разрушенной турками-османами в 1475 году. Результатом экспедиции стал вывод, что крепость Мангуп — это типичный пример фортификационного искусства готов.

Для заселения Крыма немецким населением Фрауэнфельд рекомендовал переселить туда немцев из Южного Тироля. По его мнению, это позволило бы разрешить старый италого-германский спор об этой территории. Генри Пикер, работавший много лет стенографистом Гитлера и издавший в 1951 году книгу с записями его разговоров, запрещенную на данный момент на территории России, утверждал, что Гитлер по поводу этой идеи Фрауэнфельда отозвался положительно. По словам Пикера, Гитлер заявил, что это великолепная идея, что Крым и климатически, и географически подходит тирольцам, а по сравнению с их родиной он действительно земля, где текут реки с молоком и медом. И что переселение тирольцев в Крым не вызвало бы ни физических, ни психологических трудностей. Эти и другие подобные планы были сорваны разгромом гитлеровской Германии Советским Союзом.

Современная Германия и Украина

После 1945 года Западная Германия быстро восстановила свою экономику при помощи Соединенных Штатов. И вскоре, сохраняя тесную связь с США, стала экономическим «локомотивом» и лидером объединенной Европы.

При этом после Второй мировой войны на немцев были наложены ограничения в военной сфере. После присоединения ФРГ к НАТО был закреплен запрет на использование ее армии за пределами страны. Немцы не могли иметь — и до сих пор не имеют — собственного ядерного оружия. Воссоединиться с ГДР и постепенно обрести полную политическую и военную мощь руководству ФРГ, безусловно, всегда стремилось. Произошедшее в 1990 году воссоединение Германии стало прологом к распаду СССР. В постсоветскую же эпоху интерес Германии к делам государств Восточной Европы и бывшего советского пространства, в том числе Украины, принял новые формы.

В 1992 году Германия одной из первых западных стран открыла на Украине посольство. Постепенно Германия становится одним из главных экономических партнеров Украины. К 2021 году она являлась вторым торговым партнером Украины по импорту после Китая и шестым — по экспорту. При этом Германия активно поддерживает вступление в Евросоюз Украины и других стран Восточной Европы и бывших республик СССР.

Киевский майдан и одесская трагедия, восьмилетняя война в Донбассе не оставили сомнений, в чем именно пробандеровский Киев видит содержание своего пресловутого еврокурса. Очевидно, что неотъемлемыми составляющими этого курса стали крайняя степень русофобии, противопоставление украинского языка русскому, разрыв исторических связей между русским и украинским народами, пестование особых форм украинского антирусского национализма, прикрытые риторикой заботы об украинской нации и защиты Украины от России. Всё это осуществлялось с политического благословения Евросоюза, в котором Германия, повторим, очевидным образом играет особо важную роль. При этом основным двигателем нового мироустроительного проекта, включающего присоединение Украины к Евросоюзу и к НАТО, являются США, а их наиболее надежным союзником внутри ЕС — опять же Германия.

После начала спецоперации по денацификации Украины канцлер Германии Олаф Шольц объявил на заседании бундестага 27 февраля 2022 года о наступлении «исторического поворота» — *Zeitenwende*. Заявлено, что Германия модернизирует свою армию, что впереди она будет тратить 2% ВВП на оборону и что, скорее всего, приобретет самолеты F35, которые могут нести американские водородные бомбы, находящиеся на складах в Европе... При этом, в отличие от времен холодной войны, в наши дни немецкая армия уже участвует в военных операциях за рубежом. И в последние годы в Германии всё более активно обсуждается тема возможности обзавестись собственным ядерным оружием... Таким образом, защита бандеровского киевского режима от «агрессивной» России становится предлогом для новой милитаризации Германии.

Украина продолжает быть разменной сырьевой картой в мировой политической игре. Весной — летом 2022 года Евросоюз настойчиво требует срочно экспортировать с Украины зерно. Объявляется, что немецкий концерн Deutsche Bahn планирует вывозить зерно железнодорожным путем. Зерно с Украины начинает в конце концов вывозиться в августе (правда, для начала морским путем) — несмотря на значительный риск возникновения его дефицита для самих украинцев.

Давняя мечта немецких политиков — иметь Украину в качестве своей колонии, используя ее не только как сырьевой придаток, но и как важнейший форпост на востоке Европы в борьбе против России — очевидным образом передана сегодня совокупному западному миру. Таким образом, Украина в третий раз становится пешкой в игре по перекройке Европы и по усилению западных держав за счет восточных территорий. Игра эта ведется давно, сегодня же она вошла в свою решающую фазу.

Канцлер Германии Олаф Шольц с Зеленским. Киев. 2022 (фото: С. Сутинский)

Газета «Суть времени» зарегистрирована Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) Свидетельство ПИ № ФС77-50554 от 9 июля 2012 года

Учредитель: Кургинян С. Е.
Издатель: МОФ «Экспериментальный творческий центр» (Центр Кургиняна), Садовая-Кудринская, д. 22/21, стр. 1–2, г. Москва, Россия, 123001
Главный редактор: С. Е. Кургинян

Адрес редакции:
Садовая-Кудринская, д. 22/21, стр. 1–2, г. Москва, Россия, 123001
Тел. редакции: (495) 691-50-03
Отпечатано в филиале ОАО «ПФОП» «Волоколамская типография», ул. Парковая, д. 9, г. Волоколамск, Московская обл., 143600

Заказ № 2669-23
№ 545 (545) от 02.08.2023
Время подписания в печать:
по графику — 10:00,
фактическое — 10:00
Тираж 8 000, цена свободная